

18+ Юрий Стальгоров

Кто я?

Книга 2. Мои университеты

Юрий Стальгоров

Кто я? Книга 2. Мои университеты

«Издательские решения»

Стальгоров Ю. М.

Кто я? Книга 2. Мои университеты / Ю. М. Стальгоров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511996-4

В 2020 году я закончил работать над написанием своей автобиографии под названием «Кто я?» Книга «Мои университеты» является второй ее частью, здесь я описываю места, которые сильно повлияли на мои убеждения, а также то, как новые достижения и трудовой опыт помогли мне приблизиться к выполнению поставленной еще в юности задачи.

ISBN 978-5-00-511996-4

© Стальгоров Ю. М.
© Издательские решения

Содержание

Часть I – Челябинск	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	25
Часть II – Армия	28
Глава 9	28
Глава 10	33
Глава 11	36
Глава 12	39
Глава 13	40
Глава 14	42
Глава 15	44
Глава 16	46
Глава 17	47
Глава 18	49
Глава 19	51
Глава 20 – Максимов	54
Глава 21	59
Глава 22	60
Глава 23	62
Глава 24	65
Глава 25 – Закурдаев	67
Глава 26 – Галиев	73
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Кто я?

Книга 2. Мои университеты

Юрий Михайлович Стальгоров

*Я люблю тебя, жизнь,
И надеюсь, что это взаимно.
(К. Ващенко,
песня «Я люблю тебя, жизнь»)*

© Юрий Михайлович Стальгоров, 2020

ISBN 978-5-0051-1996-4 (т. 2)

ISBN 978-5-0051-1571-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I – Челябинск

Глава 1

В Челябинске я должен был приступить к работе с 1 августа 1953 года, поэтому я выехал туда из Яловичоры в конце июля с остановкой в Москве. В Москве я остановился в семье моего дяди Володи и заодно поступил во Всесоюзный заочный политехнический институт на первый курс без экзаменов, так как у меня был диплом с отличием. Первые два курса были общеобразовательные, с третьего курса нужно было учиться по специальности, которая могла быть до этого момента не избранной. Пробыв пару дней в Москве, я уехал в Челябинск.

В Москве моя тетьа сказала, что дядя Володя находится в командировке в Челябинске и даже меня встретит там на вокзале. Так и получилось. Я своего дядю до этого не видел никогда, но по описанию его жены – моей тети – я узнал его из окна моего вагона, когда он встречал меня. Я был совершенно не обременен никаким багажом, встретился с дядей, и мы пошли в ресторан гостиницы «Южный Урал», где в то время он проживал. Пообедали, пообщались, и я уехал в Металлургический район г. Челябинска, где размещался завод шлаковых материалов, куда у меня было направление на работу. На заводе я сразу пошел к директору, представился ему и показал все мои документы.

Директор завода Константин Георгиевич Рябицев сказал мне, что он сам приехал в Челябинск несколько дней тому назад, что бывший директор этого завода, жена начальника доменного цеха металлургического завода Попова, еще навещается сюда и передает ему заводские дела и заводское имущество. Константин Георгиевич сказал, что он живет в финском сборном домике, принадлежащем заводу, что жилье это временное – до получения постоянного в соцгороде. Он предложил мне жить вместе с ним. Собственно говоря, жить мне больше было негде, и, конечно, я согласился. Тем более что в этом трехкомнатном домике с отдельной кухней кроме нас двоих никто больше не будет жить. Константин Георгиевич также сказал, что на работу я буду ездить вместе с ним – у него имеется служебный автомобиль «Москвич» - фургон с деревянным кузовом. Так мы и жили в этом домике до окончания строительства двух 2-этажных 16-квартирных заводских домов в соцгороде.

Домик этот отапливался собственным котлом, топливом к которому был либо каменный уголь, либо кокс. У нас был кокс – очень хорошее твердое топливо. Котел работал в системе водяного отопления, то есть под каждым окном был смонтирован радиатор отопления. Топить этот котел надо было круглосуточно, чем я и занимался, но эти мои обязанности меня нисколько не обременяли.

В первый же выходной Константин Георгиевич поехал охотиться на диких уток и привез домой несколько небольших тушек, не ощипанных и не выпотрошенных. Дикий уток я увидел здесь впервые в жизни, но Константин Георгиевич возложил обязанности на меня ощипать эти тушки и приготовить к жаровне. Вот тут я проклял все на свете – я не знал, как ощипывать уток, а Рябицев мне не помогал, просто куда-то ушел. Он был старше меня лет на 20, у него была семья: уже взрослый сын, который работал в Первоуральске на трубном заводе, и жена, пока еще живущая в Выксе.

Завод шлакматериала располагался на территории Челябинского металлургического завода. Директор завода поставил меня на работу стажером начальника цеха литой дорожной брусчатки. Начальник цеха там уже был, его фамилия Рихерт – он из немцев, высланных из Поволжья или Крыма. В Челябинске жило достаточно много высланных немцев, они ходили отмечаться в спецкомендатуру еженедельно. Рихерт был алкоголиком и иногда на работу не выходил, поэтому стажер, то есть я, подменял его. Притом директор сказал мне: «Вы рабо-

таете вдвоем. Когда станете мешать друг другу, я его уволю». Обратите внимание, не «уволю кого-либо из вас», а «его уволю».

Так и случилось. В здании, где находился кабинет начальника цеха, также были кладовая, помещения для отдыха рабочих, комнаты учетчицы и мастера. В кладовой запирались инструмент, который использовали рабочие. Ключи от кладовой были у начальника цеха. И вот в один прекрасный день Рихерт не вышел на работу – рабочие оставались без инструмента и начать работать не могли. После звонка домой выяснилось, что Рихерт лежит дома пьяный. Чтобы начать работу, я попросил рабочего взломать замок (несмотря на возражения некоторых «законников», которые говорили, что там может быть различное имущество и что без представителей хотя бы милиции взламывать это помещение незаконно). Я сказал, что беру ответственность на себя. Взломали замок, люди взяли инструменты и пошли работать. Я послал учетчицу на квартиру к Рихерту, который жил в достаточно приличной квартире в соцгороде в 4 километрах от завода. После этого я доложил директору завода, что я сделал. Он сказал, что я все сделал правильно.

На следующий день Рихерт вышел на работу, его вызвали к директору завода, и он был уволен за прогул. Так я стал полноценным начальником цеха. В цехе работало около 150 человек, большинство из которых были женщины. Все рабочие были бывшими заключенными, по амнистии вышедшими на свободу и не уехавшими к своему дому по различным причинам. Раньше эти люди жили в лагере, находившемся на территории «Тридцатого поселка». Лагерь был, естественно, за оградой из колючей проволоки и охранялся конвойными. Он состоял из двух половин – мужской и женской. Затем всех женщин в лагере амнистировали, и его женская часть была ликвидирована, а жилые помещения были переданы тресту «Челябметаллургстрой». В этих помещениях и жили не разъехавшиеся по домам бывшие заключенные, работавшие на нашем заводе. Это было достаточно близко от завода. Мужская же часть лагеря продолжала функционировать, поскольку многие из заключенных-мужчин не подлежали амнистии. Никто из них на нашем заводе не трудился – они работали на строительстве цехов Челябинского металлургического завода.

Глава 2

Завод шлаковых материалов еще строился, в нем должно было быть три цеха: цех полусухой грануляции доменных шлаков, цех литой дорожной брусчатки и цех термоизоляционных материалов. Цех грануляции работал в три смены, цех дорожной брусчатки – в одну, а цех термоизоляционных материалов еще не был построен.

Рядом с нашим заводом буквально в трёхстах метрах от заводской площадки располагался цех грануляции шлаков, принадлежащий строительному тресту «Металлургстрой». Как производилась там грануляция? Привозили несколько ковшей жидкого доменного шлака и выливали по одному прямо в бассейн, где струя жидкого шлака рассыпалась на достаточно мелкие гранулы. После слива нескольких ковшей шлака в этот бассейн оттуда грейферным краном вынимался гранулированный шлак, после чего он перекадывался на бетонную площадку рядом с бассейном для отстоя от воды. После этого шлак грузился в железнодорожные вагоны, как правило, думпкары треста. Все равно воды в этом шлаке было много – при полусухой грануляции шлаков воды в гранулированном шлаке в десятки раз меньше.

Наш цех полусухой грануляции шлака был построен по проекту, в котором использовалось изобретение советских инженеров Крылова и Крашенинникова. Суть новизны заключалась в том, что доменный шлак из ковша по желобу выливался на лопасти вращающегося барабана полуметрового диаметра. Одновременно на желоб, на жидкий шлак выливались струи воды – сама грануляция шлака проходила практически на желобе с минимальным количеством воды. Одновременно смесь шлака и воды выливались на вращающиеся лопасти барабана, и этими лопастями шлак вместе с водой выбрасывался на площадку. На этой площадке собиралась куча горячего, уже гранулированного шлака, оттуда она скреперной лебедкой выгребалась в дальний конец площадки. Почему-то никто не умел обращаться со скреперной лебедкой, и для удаления гранулированного шлака подальше от барабана использовали трактор-бульдозер. Работа бульдозериста была чрезвычайно тяжелой, так как шлак был горячим, и куча шлака парила остатками воды.

Цех литой дорожной брусчатки делался по технологии, взятой из Германии как репарация за убытки, нанесенные немцами Советскому Союзу. В Германии по этой технологии работали со шлаками меднорудного производства Мансфельдских медеплавильных заводов. Такой брусчаткой из шлаков меднорудного производства в городе Кёнигсберге к тому времени были вымощены все площади и некоторые улицы. Причем брусчатка на площадях была разноцветной, ею выкладывались узоры. Вот эту документацию, которая имела по данной технологии, взяли мы, и был построен цех литой дорожной брусчатки в Челябинске. Надо сказать, что технология производства самих кубиков брусчатки, по-моему, была трехсотлетней давности, крайне примитивной, все делалось вручную. В лучшем случае с помощью отбойных молотков вскрывалась прибыльная часть залитого в ямы с пресс-формами доменного шлака.

Не каждый шлак подходил как для грануляции, так и для производства брусчатки. Подходил только так называемый кислый шлак. В цехе у меня был специальный человек для отбора в доменном цехе годного для производства брусчатки шлака. Производство заключалось в том, что в специальных ямах глубиной в полметра и размерами 4х4 метра выкладывались из металлических пластин ячейки высотой в один или два яруса. Яма с ячейками заливалась жидким доменным шлаком из большого 15- или 25-тонного шлакового ковша. Заливались эти ямы шлаком на тридцать сантиметров выше пресс-форм. Таким образом, на следующий день над пресс-формой был тридцатисантиметровый сплошной слой уже застывшего, как камень, шлака, который разбивался с помощью отбойных молотков, и из-под этого твердого слоя из пресс-форм вынимались кубики брусчатки с ребром 15 сантиметров. Шлак в ямах не всегда успевал остывать до комнатной температуры, а рабочие его уже взламывали. Работа эта

чрезвычайно тяжелая, плюс жара летом – жаркое солнце и снизу жар от застывшего шлака. Однако же, платили людям хорошо.

Кроме этого в цехе должен был быть участок производства щебня из шлака, точнее, из тех кусков от верхнего тридцатисантиметрового слоя, который разбивался, чтобы достать кубики брусчатки. Этого участка не было. Я до техникума целый год работал диспетчером в автоколонне и умел распорядиться людьми, но, конечно, как начальник цеха я был слабоват. У меня было два мастера – две женщины.

На нашем заводе столовой не было, поэтому обедать я ходил либо в столовую строителей в «Тридцатом поселке», либо в мартеновский цех №2, находящийся буквально рядом с нами. Этот цех работал, однако не был достроен полностью. Его строящаяся часть была огорожена, и там работали строители-заключенные, которых я упоминал ранее.

Чтобы попасть в цеховую столовую, надо было обойти ограждение – это недалеко. Далее нужно было подняться на насыпь, на которой проходил железнодорожный путь шихтового двора мартеновского цеха, где часто оттаивались платформы с шихтовыми материалами. В то время в мартеновский цех для переплавки привозили очень много деталей вооружений, автомобилей, мотоциклов и другой техники, ранее поставленной в Советский Союз по ленд-лизу. Всё это должно было попасть на шихтовый двор под пресс, поскольку переплавлять достаточно крупные металлические брикеты было удобнее и выгоднее, чем детали по отдельности. Я был поражен этим и не понимал, зачем отправлять под пресс годные детали вместо того чтобы использовать их в народном хозяйстве. Я даже спросил об этом Рябицева. Он объяснил мне, что по условиям ленд-лиза не израсходованные и не утраченные материальные ресурсы подлежали оплате, тогда как за всё, что было израсходовано и утрачено во время войны, платить было не нужно. Поэтому правительство Советского Союза решило уничтожить хотя бы часть оставшихся поставок. Когда на отстое находилось много вагонов, нам приходилось пролезать под ними, чтобы добраться до столовой.

Что представляла собой столовая мартеновского цеха? Здание столовой находилось в пристройке бытового корпуса цеха. Сразу после входа находился общий зал примерно на 100 посадочных мест, в углу зала находилась отгороженная линия выдачи блюд, которая упиралась в кассу. При входе на нее было написано «Сталевары обслуживаются вне очереди», поэтому там всегда был бардак – людей было очень много, и часть из них пыталась пробиться на линию раздачи со стороны кассы, часть перелезала прямо через ограждение. Говорили, что иногда дело доходило до драк. Через стену от этого зала был еще один зал, раза в три меньше – это был зал для инженерно-технических работников. Вот там-то было всё иначе. Зашедшие туда пообедать люди сразу садились за столы. В зале было 4 ряда по 4 столика в каждом, каждый из столов был рассчитан на 4 персоны – таким образом, было 64 посадочных места. Каждый из рядом столиков обслуживала отдельная официантка. На столах лежали меню, и каждый выбирал себе блюдо. В меню было два вида первого, два или три вида второго, а на десерт можно было выбрать стакан чая, стакан компота и стакан сметаны. Обед из двух блюд, компота или чая обходился чуть меньше 5 рублей. Официантка приносила еду, но деньги за нее не брала – плату нужно было относить на ее личный столик, находящийся у входа в зал. Если нужна была сдача, ее можно было взять самостоятельно из находящихся на этом столике денег. Однажды я ушел, забыв заплатить за обед, и вспомнил об этом уже у себя на заводе. Я очень переживал, что обманул официантку. На следующий день я извинился перед ней и поинтересовался, насколько серьезной была недостача (ведь не я один мог не заплатить за обед). Она ответила: «Недостач у меня никогда не бывает: во-первых, здесь обедают честные люди; во-вторых, многие не берут сдачу монетами, и для меня такие монеты складываются в рубли, и, как правило, когда я рассчитываюсь с поваром, у меня остаются лишние деньги». За этим залом был еще третий небольшой зал, предназначенный для обеда начальника цеха и его заместителей. Там было всего два столика. У начальника цеха было три или четыре заместителя,

и они там обедали иногда вместе, иногда раздельно. Меня удивило такое разделение столовой. Зал для рабочих – как зал для скота, так как там никакого порядка совершенно не было. Раздача блюд была явно перегружена, и никаких официанток там, естественно, не было. По сути дела столовую разделили зал для уральского «рабочего люда» и два зала для господ. Я поделился этим своим мнением с Рябицевым, который до Челябинска работал начальником мартеновского цеха, и спросил, такой ли порядок был в столовой его цеха. Он ответил: «Да, такой. Этот порядок был еще до того, как я стал начальником цеха. Он был таким во время войны и остался таким же после войны».

23 сентября 1953 года мне исполнилось 20 лет. Мои коллеги по работе на заводе сказали, что этот юбилей нужно отпраздновать. Мы договорились, что в этот день они придут ко мне в домик, и мы там отметим. Мой сосед Рябицев куда-то убыл, и я в домике был совершенно один. Что это были за коллеги? Это мой мастер Рива – еврейка по национальности, достаточно симпатичная, но полная, и начальник заводской лаборатории по имени Капитолина, звали мы ее все Капа. Обе незамужние. Риве было около 22, а Капитолине до 30. Я купил бутылку шампанского и какую-то закуску, а они принесли мне подарок – альбом для фотографий (этот альбом, уже изношенный, я выбросил только в начале 2000-х годов). Мы отметили слегка этим шампанским день моего рождения, и Капитолина сфотографировала меня с Ривой.

Глава 3

В начале ноября 1953 года строители сдали в эксплуатацию два 16-квартирных двухэтажных дома, построенных по заказу и за деньги нашего завода. И я переселился в один из этих домов – на втором этаже в одном из них мне дали комнату на двоих в трехкомнатной квартире. В этой комнате со мной поселился мой одноклассник из техникума Штукалюк Виталий Харитонович, двадцатитрехлетний парень. Вот он-то и работал мастером ремонтно-механического цеха – на той должности, на которую посылали раньше меня.

Я решил поселить у себя в Челябинске свою маму и брата. Надо сказать, это было крайне легкомысленно с моей стороны. Дело в том, что одну комнату занимала семья – муж и жена, работавшие в заводском отделе снабжения. Муж Василий был инвалидом войны, одной ноги до колена у него не было. Вторую комнату (самую большую) занимал приехавший по вызову главный механик нашего завода. У него где-то была семья, где он раньше работал, но он ее не привез в Челябинск, или они сами не приехали. Мы с товарищем занимали третью комнату площадью 22 м². Моя мама и брат могли поселиться только в ту комнату, в которой проживал я со Штукалюком. Но Штукалюк здесь оказывался явно лишним, и его надо было уговорить перейти жить в комнату, которую занимал главный механик. Но тот мог не согласиться, и Штукалюк также мог не согласиться. Более того, Штукалюк обиделся на меня за то, что я, не посоветовавшись с ним, принял решение вызвать к себе мою семью. Он был прав, а я это понял достаточно поздно – мои мама с братом уже выехали к тому времени, когда я начал разговаривать с ним. Через день я должен был встречать их, и вот я Штукалюка уговариваю переселиться неизвестно куда или жить с нами, а он не хочет. Тогда я извинился перед ним и сказал, что я поступил неправильно и что мне нужно было с ним посоветоваться гораздо раньше и не только с ним, а также с главным механиком. Других решений, только как переселиться Штукалюку к нему, не было, но он не принял мои извинения. Тогда главный механик сам предложил Штукалюку жить в его комнате, и буквально перед самым приездом моей семьи Штукалюк согласился и перешел жить в комнату, где жил главный механик. Таким образом, моя мама и мой брат поселились ко мне в комнату. Праздник новоселья у нас совместился со встречей нового 1954 года.

Штукалюк уволился с завода ранней весной – почему-то он не поладил с рабочими. На территории нашего завода все же было много воды от грануляционной установки. Плохо работала канализация, и территория во многих местах была затоплена. Так получилось, что в ремонтно-механической мастерской, где работал Штукалюк мастером, в начале весны пол был затоплен водой. Рабочие положили на затопленный пол так называемые трапы (доски на кирпичках) и по ним ходили, начиная от входа и вдоль рабочих мест слесарей. Однажды Штукалюк, заходя в мастерскую, схватился за дверную ручку и, пораженный электрическим током, упал. Оказалось, что кто-то из подчиненных ему рабочих к дверной ручке со стороны помещения подсоединил электрический провод. По-видимому, Штукалюк закричал, так как выскочили рабочие, подняли его и вызвали заводскую «скорую» (больница металлургического завода). Бригада «скорой» увезла в больницу пострадавшего, а там выяснили, что у него болезнь сердца. Слава богу, он не умер. По выходе из больницы он сразу же написал директору заявление об увольнении. Директор очень рад был его отпустить, несмотря на то что Штукалюк должен был работать на заводе практически еще три года. Директор был рад, что не нужно было проводить никакого разбирательства причин несчастного случая на производстве, которое могло грозить неприятностями не только преступникам, но и самому директору. Штукалюк уволился и уехал к себе домой в Украину.

Я познакомил свою маму с директором нашего завода. Рябицев предложил ей работать начальником планового отдела завода, так как эта должность была вакантной, и моя мама согласилась. Я не знаю, почему она это сделала, ведь она работала старшим бухгалтером в лесной промышленности, а здесь промышленность строительных материалов. Более того, она никогда не работала даже рядовым плановиком, а здесь она почему-то согласилась на должность целого начальника планового отдела завода.

Брат мой моложе меня на три года, 3 января 1954 года ему исполнилось 18 лет. Он мог поступить теперь на любую работу, поскольку стал совершеннолетним. Кроме того, у него была специальность бухгалтера, правда, он не хотел им работать. Я не мог ему предложить никакой

работы на нашем заводе кроме работы по изготовлению дорожной брусчатки. Но это была каторжная работа, и я не хотел гробить молодого 18-летнего парня.

Около месяца он работал на железнодорожной станции, разгружая вагоны, а потом завербовался работать в Пермскую область на лесоповал. Игорь получил деньги на проезд и так называемые подъемные в размере месячной тарифной ставки. Все это немедленно он пропил и никуда не поехал. Его арестовали, судили, присудили ему один год принудработ на том же лесоповале, куда он должен был ехать, и под конвоем отправили туда.

Я проработал начальником цеха литой дорожной брусчатки до января 1954 года. С января этого года директор объединил цех брусчатки и цех грануляции шлака в один и назначил меня начальником этого объединенного цеха. До этого начальником цеха грануляции была Оськина Зинаида, молодая женщина около 30 лет. Она обиделась за это на директора, однако осталась работать сменным мастером.

Начальником объединенных двух цехов я проработал месяца три. С 1 апреля Рябицев снял меня с этой должности и назначил туда как раз Оськину. Меня он назначил мастером по монтажу нового оборудования цеха термоизоляционных материалов. Я познакомился с объектами, которые нужно было строить – это были линия по производству щебня, а также линия по производству шлаковаты и шлаковойлока. Линия по производству щебня была частично выстроена – было построено помещение, где были смонтированы две щековые дробилки. Сырьем для изготовления щебня была прибыльная часть при производстве брусчатки, пока что мы эти куски застывшего шлака отвозили в отвал.

Однако при монтаже элеватора, который должен был поднимать щебень после щековых дробилок и подавать его в бункер над ситом, строители столкнулись с тем, что приямок под элеватор все время заполнялся водой, и никто на заводе не знал, что с этим делать. Не знали, откуда течет эта вода, пытались откачивать ее, на мой взгляд, небольшим насосом, но ничего не помогало. До принятия какого-либо решения строительство этой линии прекратили, и я занялся монтажом линии по производству шлаковаты и шлаковойлока.

Глава 4

Во время полусухой грануляции доменного шлака отдельные капельки шлака не превращаются в гранулы, а раздуваются в тонкую шлаковую нить, если угодно волос. Во время грануляции такие волосинки шлака – побочный, излишний и вредный продукт. Они бывают разных размеров – и короткие, и длинные, около метра. Они разлетаются по воздуху достаточно далеко. Такими волосовинами шлака была усыпана практически половина территории нашего завода. Мелкие волоски попадают на тела людей, вызывая ужасный зуд. Я, например, после года работы на этом заводе, уже будучи в армии, еще полгода чесался, расчёсывая свое тело до болячек, от мелких шлаковых колючек.

Свойство доменного шлака при охлаждении и во время полета жидких капелек превращаться в волосы используется при производстве шлаковаты и шлаковойлока. При этом следует упорядочить процесс превращения жидкого шлака в такие волосовины, образующие шлаковату, из которой тут же изготавливается шлаковойлок. Технология изготовления их следующая: доменный шлак в виде щебенки загружается вместе с коксом в вагранку и расплавляется там до жидкого состояния; далее через форсунку определенной формы с помощью воздуха расплавленный шлак выдувается на ленточный конвейер, лента которого в виде сетки, а скорость конвейера рассчитана так, что на нем осаждается необходимый слой волосовин, которые образуют шлаковату; далее идет процесс превращения шлаковаты в шлаковойлок, для этого на сетчатом конвейере производится уплотнение шлаковой ваты и добавка туда различных фенолоспиртов с целью получения достаточно рыхлых шлаковых пластин, похожих на пластины войлока толщиной около 3—5 см. Такие пластины используются как теплоизоляционный строительный материал при строительстве различных зданий и сооружений.

Мне дали чертежи и поручили смонтировать вагранку и сетчатый ленточный конвейер. Я взялся за эту работу, однако увидел сразу, что строительной готовности нет никакой. Монтировать это оборудование следовало бы на фундамент и крепить анкерными болтами, но фундаментов не было. Кроме того, эта линия должна была находиться в здании, а здания также не было. Я сказал об этом директору. Он ответил: «Во что бы то ни стало надо смонтировать это оборудование. А то, что оно не может работать, потом будем исправлять». Насколько было правомерным это решение, я не знаю – во всяком случае, это был фальшмонтаж.

Тем не менее, я выполнял задание директора. В мое подчинение выделили бригаду слесарей-монтажников, и я ими руководил. Главным инженером нашего завода был Крашенинников, один из авторов полусухой грануляции доменных шлаков. До Челябинска он работал в нашем главке Союзшлак. По-видимому, за какую-то провинность это послали работать в Челябинск. Во время замены изношенного барабана на установке грануляции я вызвал его на место для консультации, и мы с рабочими поняли, что этот автор изобретения совершенно не знаком с конструкцией собственной установки. Мы поняли, что изобретателем является один Крылов, а Крашенинников просто «прилепился» к этому изобретению. Почему-то он не занимался строительством завода совсем и не хотел этим заниматься. Со мной занимался начальник отдела капитального строительства Кнауэр, один из немцев, высланных из Поволжья. Что касается немцев, у меня в цехе работал отборщик шлака Шмидт. И Кнауэр, и Шмидт еженедельно отмечались в челябинской спецкомендатуре.

Рябицев считал, что строительство цеха термоизоляционных материалов продвигается. Он решил съездить на действующее предприятие – завод термоизоляционных материалов в Билимбае, городе в Свердловской области. Он взял меня, и на служебном автомобиле мы поехали с ним в Билимбай, который находился севернее Свердловска, то есть ехать было достаточно далеко. Мы взяли с собой продуктов питания, запас бензина, несколько бутылок водки и поехали.

В пути оказалось, что у нас нет ни стаканов, ни рюмок, а пить водку из горлышка бутылки Рябицев не захотел. У него с собой был голландский сыр, и он попросил меня во время поездки вырезать из сыра две рюмки, чтобы можно было туда наливать водку. Рюмки оказались почти как стаканы, во всяком случае, в них наливалось больше 100 граммов водки. Мы остановились позавтракать и выпили по самодельной рюмке водки.

Очередной остановкой у нас был пограничный столб между Европой и Азией. Мы ехали из Европы и после этого пограничного столба оказались в Азии. Рябицев предложил выпить в Европе, а закусить в Азии. Мы так и сделали. Поскольку закусывать нам было уже нечем, да и водка уже закончилась, на закуску мы съели наши рюмки.

Следующей остановкой у нас был город Первоуральск. В этом городе на трубопрокатном заводе начальником одного из цехов работал сын Рябицева, мы у него и переночевали. Там же еще запаслись продуктами и поехали через Свердловск в Билимбай. Свердловск поразила меня – это старинный русский город Екатеринбург. До этого большие города я видел только в Западной Украине, там многоэтажные дома были только каменные или кирпичные. В Свердловске же я увидел двух- и трехэтажные деревянные дома, в то время как каменных или кирпичных домов было очень мало. Поразила меня и колонна немцев, идущих на какой-то строящийся объект. Колонна была примерно человек 300, немцы шли под конвоем как пленные. Я спросил Рябицева: «Ведь война закончилась в 1945 году! Я видел пленных мадьяр в 1948 году, и они в 1949 году уехали к себе в Венгрию. Почему же немцев задержали после 1945 года? Сейчас пошло почти 10 лет после окончания войны, так почему здесь пленные немцы?». Рябицев ответил: «Это не пленные, это военные преступники. Дело все в том, что находящихся в плену немецких солдат и офицеров в 1945 году Правительство Сове́стного Союза объявило военными преступниками, всех судили и дали им по 10 лет исправительно-трудовых лагерей. По-видимому, это они здесь и шествуют». Я подумал, что через год они возвратятся к себе домой в Германию.

В Билимбае мы познакомились с работой линии по производству шлаковойлока. Линия работала прекрасно, однако начальник цеха сказал нам, что они долго мучились с ее наладкой этой – у них не получалось равномерного осаждения, не получалась толщина шлаковойлока. Наконец, они нашли, что необходима особой конструкции форсунка, и дали нам чертежи этой форсунки. Отверстий в ней было около десятка, и располагались они по замысловатой кривой.

В Билимбае мы пробыли одни сутки и уехали обратно в Челябинск. На обратном пути опять переночевали в Первоуральске у сына Рябицева. По прибытии в Челябинск Рябицев отдал чертеж форсунки в ремонтно-механическую мастерскую, чтобы там изготовили несколько штук. Это был июнь 1954 года.

На должности мастера по монтажу оборудования я был менее загружен, чем когда был начальником цеха. Я знакомился с остальными сотрудниками, со своими коллегами по работе на этом заводе. Я уже писал, что в квартире, где я жил, одну комнату занимал главный механик завода, не помню его имени. Он жил один, хотя жилплощадь ему дали с учетом семьи – он почему-то не хотел, чтобы жена приехала к нему. Мы вдвоем с моей мамой жили в другой комнате, соседом у нас был снабженец Василий. На лестничной площадке соседнюю трехкомнатную квартиру полностью занимал заместитель директора по общим вопросам Сатаров, недавно демобилизованный подполковник. Мой сосед Василий был инвалидом войны, у него до колена была ампутирована одна нога. Он жил вдвоем с женой, детей у них не было. У Сатарова же была жена, один или два ребенка. Василий варил хмельную бражку и постоянно старался, чтобы я с ним выпивал ее. Сатаров ежедневно, придя с работы, выпивал пол-литра водки один.

Надо сказать, еще в нашем доме, но в другом подъезде жил начальник отдела снабжения, фамилии я его не помню. Это был также недавно демобилизованный майор, армейский снабженец. Жена его была армейским хирургом, но уже в это время она в армии не служила. Она работала хирургом в больнице, принадлежащей тресту «Челябметаллургстрой» – в этом

тресте был целый больничный городок. Там был также большой клуб, куда я несколько раз приходил на танцы.

Из припомнившихся мне людей в соседнем доме жила комендант наших двух домов Семченко, ее муж работал на нашем заводе шофером на самосвале ЗИС-585. В том же доме жил электросварщик, который работал в ремонтно-механической мастерской. Он был молодой, ему было чуть больше 20 лет. Он был женат, но звал в компанию, и мы часто ходили в клуб строителей вдвоем или развлекались на площади, где находился этот клуб. Развлечения у нас были самые никудышные – дело в том, что мы не приходили туда не трезвыми, а обязательно выпившими. На этой площади катались на велосипедах девушки, почему-то они выбрали эту просторную площадь. На мой взгляд, девушек у строителей работало больше, чем мужчин. И мы с моим сварщиком хватали проезжающих девушек за велосипед, пытаясь их остановить, даже если они при этом падали. Мне не нравилась эта забава, и я иногда только глядел, как этими делами занимается мой товарищ. Однажды ему не повезло – он пытался остановить какую-то девушку, а я сидел вдалеке и не участвовал с ним в этой забаве. Тут подошёл милиционер, взял под руку моего товарища и увел его с собой. В кутузке его продержали 10 суток – это было впервые по новому закону. Я, слава богу, в кутузку не попал. Этот же сварщик зимой, еще в декабре 1953 года в своем доме решил прибавить себе в отоплении тепла. Отопление было водяное, центральное, от какой-то ТЭЦ. Сварщик жил на первом этаже, и ему показалось, что в квартире все же холодно. Горячая вода поступала в систему отопления этого дома через отверстие в два миллиметра. Он зашел в подвал и рассверлил отверстие до четырех миллиметров, тем самым увеличив площадь поступления горячей воды в четыре раза. Это расстроило систему отопления. Каким-то образом об этом узнала теплоснабжающая организация, и они подали на сварщика иск в суд. Судья присудил этому «умельцу» один год принудработ с удержанием 20% заработка. Ходить на прежние забавы мы перестали.

Глава 5

В начале августа 1954 года директор Рябицев снял с должности начальника объединенных двух цехов Оськину и вновь назначил меня на эту должность.

С водой на заводе у нас было плохо. Я не имею в виду питьевую, я говорю про воду, которая выливалась на площадку при грануляции и буквально затапливала территорию завода. По проекту площадка, где гранулировался шлак, оборудована ливневыми приемными колодцами с решетками. Я присмотрелся к этим колодцам, когда работал начальником объединенных цехов – оказалось, что колодцы все затоплены. По-видимому, вместе с излишней водой в эту ливневую канализацию смывался и гранулированный шлак. Необходимо было чистить канализацию. Кстати, по пути слива этой воды в трубе был протянут трос, чтобы можно было вручную прочищать канализационные трубы от колодца к колодцу. Но за этим никто не следил, и все было забито. Более того, никто не знал, в какую сторону должна течь эта вода.

Я взялся за составление схемы ливневой канализации. По сути дела это была производственная канализация. Еще дело в том, что мы отгружали шлак в железнодорожные вагоны, и вода могла подняться до того, что затопит железнодорожный путь, и в этом случае железная дорога вагоны бы нам не подавала. Это был бы коллапс. Я это знал, когда меня назначили еще на должность начальника цеха литой дорожной брусчатки. Там также проходил железнодорожный путь, принадлежащий железнодорожному цеху Челябинского металлургического завода, и мне нужно было сдавать экзамены по правилам эксплуатации железнодорожных путей. Дисциплина у железнодорожников была железная – в то время это была почти полувоенная служба. Я изучил устав железной дороги и другие документы, экзамены сдавал в управлении Южно-Уральской железной дороги, получив удостоверение как ответственный за содержание железнодорожных путей Челябинского завода шлаковых материалов.

Чтобы восстановить систему колодцев производственной канализации, я решил нивелировать все колодцы. Нивелир в ОКСе был, но геодезиста не было. Я решил, что этим геодезистом смогу быть я, так как в техникуме я овладел теорией составления геодезической схемы, и у нас были практические занятия с нивелиром. Я проделал эту работу – рейку носил мне рабочий, а я записывал отметки. По отметкам я нашел трассу этой ливневой канализации, организовал ее прочистку и успешно эту прочистку выполнил. Проблема с излишней водой, затапливающей территорию завода, была решена.

У меня возникла мысль, что эта излишняя вода должна бы использоваться. Так, например, на территории металлургического завода имелись несколько бассейнов, с помощью которых охлаждалась вода, используемая для охлаждения оборудования в доменном и мартеновских цехах. Это была так называемая система оборотного водоснабжения, она пополнялась только из городского водопровода и только в размере потерь при нагреве и охлаждении. В систему оборотного водоснабжения входили и эти охладительные с фонтанами бассейны. Я подумал, что у нас на площадке, где гранулировался шлак и куда выливалось много воды, следовало бы эту воду собирать и возвращать снова в систему грануляции. Я сказал об этом директору, на что он ответил, что это пока что фантазия.

Я продолжал знакомиться со своими коллегами. Главным энергетиком завода был этнический латыш по фамилии Ротосеп, он был по образованию инженер-электрик.

Начальником отдела кадров у нас была примерно 35-летняя женщина, по национальности еврейка. Она была достаточно общительная, и по различным производственным делам, связанным с подчиненным мне работниками, я довольно часто к ней заходил. У нее был небольшой кабинет. Она числилась начальником отдела кадров, но в ее подчинении не было ни одного человека, поскольку на заводе в это время работало не более 300 человек. Как-то летом в Челябинск приехал известный эстрадный артист Леонид Утесов. Наш начальник отдела кад-

ров (к сожалению, я не помню ни ее имени, ни фамилии), сказала мне, что у Леонида Утесова и имя, и фамилия совершенно другие. По национальности Утесов еврей, и у него, естественно, еврейское имя и еврейская фамилия, она мне их назвала. Я потом неоднократно слышал это в официальных сообщениях об Утесове. Потом она добавила, что Утесов – ее дальний родственник. Степень родства она мне также назвала и сказала, что хочет сходить его поприветствовать. Утесов жил в это время в гостинице «Южный Урал». Она назвала мне дату, когда пойдёт к нему. На следующий день я, заинтересованный, пошел к ней в кабинет во время обеденного перерыва. Я спросил, как там ее родственник поживает и как он ее встретил. Она расплакалась и сказала: «Да он свинья! Когда я пришла в гостиницу с букетом цветов и спросила, как пройти к Леониду Осиповичу, мне объяснили, что у него имеется секретарь, и нужно обратиться к нему, а он уже устроит или не устроит свидание с Утесовым. Мне сказали, где располагается секретарь, и я пошла к нему. Секретарь попросил меня рассказать, зачем я хочу попасть к Утесову. Я назвала свое имя и фамилию и сказала, что я родственница Леонида Осиповича и хочу его просто увидеть, поприветствовать и подарить ему букет цветов, ничего от него более не нужно. Утесов был в своем номере, секретарь зашел туда, буквально через три минуты вышел и сказал мне, что Утесов меня не примет. И, когда я стала расспрашивать о причине, вначале секретарь говорил, что Утесов занят, а потом, видимо, я ему надоела, и он ответил, что Леонид Осипович сказал: „Я ее не приму – у меня таких родственников, как она, до Киева раком всех не переставишь“. После этого я ушла. А ведь мне от него ничего не нужно было, мне просто обидно по-человечески – он мог мне выделить хотя бы одну-две минуты, сославшись на занятость, а он меня обругал».

Глава 6

Моя конторка начальника цеха была отдельно стоящим зданием, в котором размещались кабинет начальника цеха, кабинет трех сменных мастеров, кабинет начальника ОТК, комната учетчицы, а также небольшой зал со столом и стульями для отдыха рабочих цеха грануляции. Я как начальник объединенных двух цехов занимал кабинет, принадлежавший ранее начальнику цеха грануляции шлака. В обязанности учетчицы, которую звали Люба, входило только ведение табельного учета рабочего времени всех работников объединенного цеха. Она работала только в дневную смену.

Как-то в конце августа в начале рабочего дня я обнаружил, что учетчицы нет на месте. Я подумал, что она почему-то опаздывает на работу, но когда она не появилась ко второй половине дня, я забеспокоился. Я стал расспрашивать мастера и начальника ОТК, где может быть Люба и была ли она на работе. Они ответили, что на работе ее не видели и не знают, почему она не пришла. Я подумал, что следует расспросить работающих на участке изготовления дорожной брусчатки женщин – почему-то они обычно знали все, что происходит на заводе. Они мне ничего не отвечали, только улыбались. Я понял, что им что-то известно о Любе. Наконец, их бригадир Гладышева, бывшая заключенная, осужденная на 25 лет и вышедшая в 1953 году по амнистии, говорит мне:

– Юрий Михайлович, да что скрывать? Люба в зоне. Рядом строится вторая очередь мартеновского цеха. Строят ее заключенные, и Люба там – зарабатывает деньги. И не одна она туда ходит.

Я был обескуражен и сказал ей:

– Но ведь вся зона строительства огорожена, находится под охраной, и даже на вышках стоят вооруженные охранники! Как же она могла туда попасть?

– Заключенные работают только в дневную смену, и ночью зона пуста. Женщины заходят туда ночью, когда зона открыта и никаких охранников там нет.

– Но ведь когда привозят заключенных, их не впускают в зону до тех пор, пока охрана не убедится, что там никого нет. И этих женщин обязательно бы нашли.

– Во-первых, у них имеется там «заначка» – помещение, в котором женщины прячутся и принимают мужчин-заключенных для занятия сексом. Охрана не знает, где находится эта «заначка». Во-вторых, часть охранников могут знать, где находится это помещение, но эти охранники заранее предупреждены заключенными, чтобы они не совали туда свой нос. Конечно, заключенные подкупают охранников, чтобы они не нашли в зоне женщин. Кроме того, эти охранники сами пользуются услугами этих женщин.

– Но Люба может ведь и не вернуться оттуда по какой-либо причине вплоть до того, что заключенные могут ее убить.

– Ни в коем случае. Завтра она придет на работу, вот увидите.

Я сказал ей спасибо за разъяснения, но, грешным делом, не поверил ей. Люба – молодая женщина возрастом не более 25 лет, секретарь комсомольской организации завода. Я не думал, что она пошла в зону.

На следующий день Люба была на работе, и я спросил ее, почему она прогуляла вчерашний день. Она ответила:

– Я плохо себя чувствовала.

Я:

– Нужно было пойти в медсанчасть и взять больничный.

– Да всё это ерунда, Юрий Михайлович! Сегодня я чувствую себя отлично.

Тогда я ей говорю:

– А мне сказали, что ты была в зоне...

– Кто сказал?

– Женщины, которые работают на брусчатке.

– А, ясно. Это сука Гладышева», – и Люба выругалась матом в ее адрес.

– Значит ты была там, Люба?

– Ну и что? Была!

Она обозлилась и начала:

– Сколько я у тебя получаю? 450 рублей в месяц! А за сутки в зоне я зарабатываю не мою, а твою годовую зарплату!

– А как же комсомольская работа?

– А что она мне дает? Ничего!

Я подумал, что в свои 20 лет осуждать и стыдить Любу я не имею права, тем более как учетчица она хороший работник. Я был комсомольцем, общался с ней как с секретарем комсомола завода, ну и что с того? Я сказал ей, чтобы учет за вчерашний день был в ажуре, на что она сказала: «Не волнуйтесь, Юрий Михайлович, все будет сделано».

Цех грануляции шлаков работал без выходных все три смены и был укомплектован рабочими для непрерывной работы, а цех литой брусчатки работал в одну смену с выходным в воскресенье. Я также работал только днем и отдыхал в воскресенье. В конце августа мой сосед-сварщик предложил мне съездить вместе с компанией на озеро в воскресенье, чтобы искупаться и позагорать на природе. Я спросил его, на чем поедет. Он ответил, что поедет на самосвале ЗИС-585, назвал мне фамилию шофера, который работал у нас на заводе, и сказал, что шофер поедет с женой (оба они молодые люди, лет по 30 каждому), что он также поедет со своей женой, а я поеду один.

Наступило воскресенье. Шофер из заводского гаража подъехал к нашему дому, мы сели в самосвал и поехали к ближайшему озеру. Почему-то моим знакомым место отдыха на этом озере показалось плохим, и шофер предложил поехать на озеро Касарги, которое находится в 33 км от Челябинска. Мы согласились и поехали. Следует сказать, что с собой мы заранее взяли три бутылки водки и какую-то закуску, посчитав, что на пятерых нам этого хватит с учетом того, что шоферу много пить было нельзя. Приехав на озеро, мы нашли там площадку, подходящую для купания и на которой можно было позагорать. Озеро Касарги огромное – от места, где мы остановились, противоположный берег не был виден. Берега с правой и левой сторон были видны, но также были далеко от нас и уходили за горизонт.

Остановившись и устроившись на берегу, мы выпили, закусили и стали купаться. В воде мы играли обыкновенным футбольным мячом. Через три часа водка и закуска кончились, и шофер со сварщиком сказали, что они съезят купить еще водки и закуски. Они уехали, а я остался с двумя женщинами, и мы продолжили купаться. Вдоволь накупавшись, женщины вышли на берег, а я остался один в воде с мячом.

Вдруг, отвлекшись на женщин, я упустил мяч. Я увидел, что его отнесло ветром метров на 10 от меня, и поплыл за ним. А ветер дул от берега, где мы остановились, в сторону правого берега, до которого было достаточно далеко (я думаю, не менее километра). Я никак не мог догнать мяч и знал, что до берега, куда относил мяч, я не доплыть смогу – я недостаточно хорошо плавал. Тем не менее, я попытался догнать мяч. Потом я обернулся к месту нашей стоянки и увидел, что отплыл от берега метров на 200. Я ужаснулся и чуть не пошел ко дну, а озеро было глубоким. Я мигом протрезвел, взял себя в руки и спокойно, не торопясь, поплыл обратно. Признаюсь, еле доплыл. Выйдя на берег, я увидел, что ребята уже приехали. По-видимому, они видели мою попытку догнать мяч, потому что удовлетворенно вздохнули, когда я вышел на берег, и сказали: «Всё, мы поехали за мячом». Я посмотрел на озеро и увидел, что мяч подплывает к правому берегу, и к нему на лодке спешат двое каких-то парней. Мои товарищи сели в автомобиль и поехали в сторону этих парней, чтобы забрать у них наш мяч – за время их езды эти парни уже вытащили его из воды. Я подумал, что скорее всего без

драки не обойдется. Однако буквально через несколько минут наши ребята вернулись с мячом и сказали, что те парни отдали им наш мяч безо всяких препон.

Наши ребята выложили на одеяле на берегу привезенную водку и закуски и предложили всем нам еще выпить и закусить. Я от выпивки категорически отказался, сказав, что мне на сегодня хватит – я чуть не утонул и больше пить не буду. Они на четверых распили две бутылки водки, а третью мы взяли с собой домой. Больше я никогда в жизни, будучи даже слегка выпившим, не купался.

Глава 7

В январе 1954 года я получил из Москвы письмо от проректора Всесоюзного заочного политехнического института, в котором мне сообщали, что если я не сдам контрольные работы до конца января, то меня отчислят из института за неуспеваемость, и я в результате этого в дальнейшем никогда не смогу поступить в другой институт без экзаменов, как мне полагалось с учетом диплома с отличием из техникума. Я испугался. Действительно, за весь первый семестр я не сделал ни одной контрольной работы по изучаемым предметам и не был готов их выполнить. Я немедленно послал в институт письмо, в котором сообщал, что в течение первого семестра меня неоднократно вызывали в военкомат, и это мешало мне учиться (конечно, это было ложью), и просил меня отчислить по собственному желанию, а также выслать мой техникумовский диплом по указанному мною адресу. Не более чем через месяц меня отчислили по собственному желанию, и я получил обратно свой диплом об окончании техникума.

Я стал подумывать, в какое высшее учебное заведение мне поступить. Я понял, что заочно учиться не смогу, и решил поступить в Челябинское высшее военное авиационное училище штурманов. В начале августа училище объявило очередной набор абитуриентов для сдачи вступительных экзаменов, там же было написано, что те, кто окончил средние учебные заведения с отличием, принимаются без экзаменов. Это меня устраивало, а военная служба в авиации меня не беспокоила. Но нужно было проходить строгую медицинскую комиссию – всё же авиация. Причем медкомиссию проводили непосредственно в медсанчасти училища. Я пришел туда, врач посмотрел на меня и сказал, что они не могут принять меня в училище, поскольку у меня какое-то образование над левым глазом. Если мне этот нарост кто-либо не удалит, они меня в училище не примут. Врач посоветовал мне обратиться в медсанчасть треста «Челябметаллургстрой», обслуживающую наш завод, и я немедленно пошел туда в поликлинику на прием к хирургу. Им оказалась женщина лет 35, она внимательно посмотрела мою «шишку» над глазом и завела меня в соседнюю комнату типа операционной. Медсестра велела мне лечь на операционный стол, сбрила мне бровь, намазала это место йодом и позвала врача. Подошла врач, посмотрела на меня и сказала: «Я сейчас операцию делать не буду, поскольку должна посоветоваться с окулистом – возможно, это связано с глазом, хотя я так не думаю. Но если, не дай бог, вы после операции ослепнете, меня посадят лет на 15—20. Приходите в четверг (а был вторник)». Я разочарованно встал со стола и сказал, что приду в четверг.

К назначенной дате я пришел в поликлинику и в регистратуре сказал, что врач-хирург (назвал ее фамилию) мне назначил сегодня прийти на операцию. На это регистратор поглядела в свою тетрадь, потом посмотрела на меня и сказала, что еще вчера названный мною хирург не работала, так как ушла в отпуск. Я подумал, что хирург трусливо скрылась от меня, побоявшись делать операцию, о чем она, собственно, и говорила во вторник. Регистратор спросила, записать ли меня к другому врачу, на что я ответил, что не нужно. Дело в том, что уже в понедельник следующей недели приемная комиссия училища прекращала прием документов, и я уже не успевал вовремя сделать операцию. Тем более что можно снова напороться на хирурга-труса.

Поскольку с училищем штурманов не выгорело, я решил поступать в Челябинский металлургический институт на вечерний факультет. Это учебное заведение находилось в соцгороде, недалеко от моего дома. На следующей неделе я пошел сдавать документы в приемную комиссию металлургического института, и это был последний день сдачи документов. Почему-то я вместе со своим соседом Василием в тот день напился до бесчувствия и опомнился только на следующий день, проснувшись утром у себя дома. Никаких моих документов дома не было. Я стал размышлять, ходил ли я в институт, сдавал ли документы в приемную комиссию и не потерял ли я их где-то. Подумав, я решил пойти в институт и узнать,

приходил ли я к ним вчера. К величайшему моему удивлению и облегчению, оказалось, что я приходил к ним вчера и сдал документы, а секретарь приемной комиссии даже не заметила, чтобы я был сильно пьян – я выглядел слегка выпившим и вел себя, как нормальный человек. Секретарь комиссии сказала мне, что я зачислен студентом на вечерний факультет, занятия на котором начнутся 1 октября, хотя приказ о моем зачислении выйдет до 1 сентября. Дело в том, что все абитуриенты, зачисленные на первый курс, в сентябре поедут работать в колхоз на сбор овощей. Но, так как студенты вечернего факультета и так работают на производстве, они не могут поехать на сбор урожая. Тем не менее, занятия в институте на всех факультетах начнутся 1 октября.

В сентябре я получил повестку из военкомата на 20 сентября для призыва в армию. Я показал эту повестку директору завода, на что он сказал: «Работай. Сходи, конечно, 20-го числа в военкомат, но в армию тебя не заберут, так как страна еще не дожидается до того, чтобы начальников цехов завода забирать в армию». Я и продолжал работать.

20 сентября я прибыл в военкомат, где мне сказали, что меня призывают в армию, однако нужно пройти медицинскую комиссию. Мне сказали, чтобы я ее прошел в медсанчасти «Челябметаллургстроя», и с направлением из военкомата я пошел туда. У меня был обходной лист с фамилиями врачей, от которых я должен получить заключение о состоянии моего здоровья. Я должен был обойти всех врачей в течение двух дней и сдать обходной лист в военкомат. Я так и сделал, в итоге все врачи написали, что я здоров и годен к военной службе.

После прохождения комиссии мне в военкомате выдали повестку на 4 октября – отправка в войсковую часть. В военкомате какой-то офицер сказал мне, что в сборном пункте они собирают призывников как минимум за двое суток до их отправки в войсковую часть, но, поскольку я живу непосредственно в Челябинске, в военкомате решили, что я могу подождать дня отправки и дома. Меня направляют в войска ПВО страны, из Челябинска вместе со мной по спецнабору уедет 30 призывников в Уральский военный округ, город Киров. 2 или 3 октября за нами приедет представитель войсковой части, в которой мы будем проходить службу, и заберет нас с собой.

Сотрудники военкомата были в упор заняты отправкой эшелона с призывниками на Дальний Восток, куда отправляли около 800 человек. И, хоть на территории военкомата и был написан призыв «Избежим рекрутчины!», там находилось полно пьяных в дым призывников. Позже я узнал, что их буквально погрузили в теплушки человек по 50 в каждый вагон и под охраной отправили к месту службы.

С повесткой на 4 октября я подошел к Рябицеву и сказал, что всё – я должен увольняться. Рябицев, не оставляя попыток уладить этот вопрос, ответил: «До 4-го числа еще долго, и я все же постараюсь как-то тебя от этого освободить. Продолжай работать». Хотя я знал, что он ничего не сможет сделать, я продолжал работать – все равно болтаться дома без дела мне не хотелось.

И вот однажды я прихожу на работу к 8 часам утра, и меня буквально встречает милиционер. Оказалось, что это следователь из прокуратуры. Он говорит мне, что должен допросить несколько человек о несчастном случае, произошедшем предыдущей ночью – наш шофер, выезжая с территории металлургического завода через проходную на примыкающие к нему территории, рядом с трамвайной остановкой совершил наезд на двух велосипедистов со смертельным исходом. На мой вопрос, могла ли это быть не наша машина, следователь ответил: «Мы уже осмотрели вашу машину в гараже сегодня утром и обнаружили на ней следы наезда, водитель Семченко задержан. Теперь требуется допросить свидетелей наезда – Семченко назвал троих человек, которые ехали с ним в ту ночь, и факт наезда отрицает. Он считает, что свидетели подтвердят его слова». Следователь дал мне бумажку, на которой были написаны фамилии этих людей, и попросил вызвать их к нему (на время допроса он разместился в моем кабинете). В кабине с Семченко ехала начальник лаборатории Капитолина, в кузове

самосвала ехали бульдозерист Новосельцев и контролер ОТК, не помню ее фамилии. Капитолина и контролер ОТК задержались до полуночи, так как подписывали документы на отгрузку гранулированного шлака в вагоны МПС, а Новосельцев работал в вечерней смене. Жили они все вместе с Семченко в одном доме, поэтому и ехали вместе с ним с завода домой. Жена Семченко работала комендантом заводского ЖКХ.

Первыми на допрос пришли женщины, следователь велел им заходить в кабинет по одному. Сначала зашла Капитолина. Следователь сразу сказал ей, что шофер машины, на которой они ехали, совершил наезд, и спросил, видела ли и слышала ли она что-либо во время поездки с завода домой. Она ответила, что ехала в кабине, ничего не видела и не слышала, а после длительного рабочего дня практически сразу заснула и проспала всю дорогу, пока Семченко не разбудил ее у дома. Следователь сказал ей: «Семченко на площади насмерть сбил двух велосипедистов, вы не могли этого не заметить. Погибло два человека, а вы не говорите правды. Подумайте!». Капитолина повторила, что во время поездки спала и ничего не видела и не слышала. Тогда следователь сказал ей побыть в другой комнате, но никуда не уходить.

Следующей вошла контролер ОТК. На аналогичный вопрос следователя она ответила, что вообще ничего не видела и не слышала, так как сидела в кузове автомобиля спиной по направлению движения. Следователь сказал: «Площадь, где Семченко наехал на двух велосипедистов, была ярко освещена, и вы должны были видеть результаты наезда на двух человек». Контролер снова ответила, что ничего не видела и не слышала. После этого следователь отправил ее в комнату к Капитолине.

Новосельцева пока не было. Оставив следователя в своем кабинете, я вышел на крыльцо покурить. Буквально через 5 минут появляется Новосельцев и говорит мне: «Меня вызвали из дому на допрос к следователю. Слава богу, следователь появился! Я ему расскажу всё, как было. Этот бандит Семченко задавил двух велосипедистов! Я слышал, как автомобиль наехал на что-то. Я сидел спиной по направлению движения и после столкновения увидел, что за нами валяется велосипед и два человека то ли живые, то ли мертвые. Я понял, что мы наехали на них. По-видимому, они ехали на одном велосипеде, так как велосипед валялся один. Я видел, как к ним подбежало несколько человек, и стал стучать по кабине, чтобы Семченко остановился, но он ехал, не останавливаясь. Тогда я наклонился к дверце автомобиля и проорал ему: „Остановись! Мы наехали на двух велосипедистов! Может, они еще живы. Им надо оказать какую-либо помощь или хотя бы вызвать бригаду скорой помощи“. Семченко молчал и продолжал ехать. Более того, на полпути к дому он остановился и сказал всем нам: „Если кто-нибудь из вас проболтается о том, что я на кого-то наехал и этот человек умер, мне деваться будет некуда, и я убью того, что проболтается. Если потребуется, убью вас всех троих“. Я не знаю, что тут говорят женщины, но я плевал на его угрозы! Это бандит, и его надо сажать в тюрьму». Я сказал ему идти в мой кабинет, где его ждет следователь, и Новосельцев выложил следователю все то, что рассказал мне. Следователь все записал, Новосельцев расписался, после чего следователь попросил меня позвать Капитолину и контролера ОТК, что я и сделал. Следователь зачитал им показания Новосельцева и спросил, что они могут к этому добавить. Они подтвердили все то, что сказал Новосельцев. Правда, они уточнили, что результатов наезда не видели, но подтвердили, что Семченко пригрозил им убить того, кто проболтается о случившемся. Следователь поблагодарил нас и ушел.

Глава 8

Я прожил в Челябинске 14 месяцев, до этого я никогда не жил в больших городах. Самый большой город, в котором я жил – это Каменец-Подольский, но он в десятки раз меньше Челябинска. Для сравнения, население Челябинска более миллиона человек, тогда как в Каменец-Подольском проживает несколько десятков тысяч. Вокруг центрального района Челябинска находятся несколько заводов со своими жилыми микрорайонами, я жил и работал в Металлургическом районе. Из нашего района в центр города можно было попасть либо автотранспортом, либо на трамвае. Однако трамвай из нашего района не доходил до центра Челябинска, поскольку примерно на полпути трамвайная линия преграждалась насыпью с железнодорожными путями, и проезда сквозь нее не было – был только пешеходный проход. Если ехать на трамвае, то прямо перед этой насыпью была конечная остановка нашего маршрута, а дальше для продолжения пути надо было пройти под насыпью и сеть на другой трамвайный маршрут. Естественно, при этом нужно было покупать новый трамвайный билет. Это создавало, конечно, большие неудобства, особенно поздно вечером или ночью, когда приходилось ехать домой после посещения театра, цирка или парка, находящихся в центре города. Кроме этого оказалось, что в Челябинске разгул криминала, и при пересадке с трамвая на трамвай ночью возле насыпи грабители нападали на людей, отбирали у них деньги с ценностями и даже раздевали догола.

По пути в центр за насыпью находился вещевой рынок – так называемая «барахолка». Примерно через неделю моей работы на заводе в выходной день я ехал в гостиницу «Южный Урал», где остановился тогда мой дядя Володя. Со мной ехал Штукалюк. У меня были наручные часы «Победа» на браслете, но браслет был сломан и на руке не держался, поэтому я положил часы в брючной карман для часов. Этот карманчик был небольшим, и в нем поместились только часы, а браслет торчал снаружи. Почему-то мы со Штукалюком захотели выйти на остановке рядом с «барахолкой» и что-то там посмотреть. Вряд ли мы хотели там что-то купить, так как денег у нас было очень мало. Скорее всего, на базар мы пошли просто из любопытства. Мы прошлись по рынку, посмотрели, чем там торгуют, и вышли к трамвайной остановке. Там какой-то парень на вид лет двадцати очень вежливо спросил меня, который час. Я вынул из карманчика свои часы, посмотрел на них и ответил. Он поблагодарил меня. Тут подошел трамвай, и при входе в вагон почему-то образовалась давка. Народу было не так уж много, но получилось так, что мы вынуждены были проталкиваться сквозь толпу. Штукалюк даже отправился к передней двери и зашел в вагон через нее. Уже стоя в трамвае на задней площадке, я заметил, что прижимавшийся ко мне во время посадки парень вдруг стал резко от меня отходить. Я вспомнил про браслет часов, торчащий из кармана, и потрогал карман – часов там не было. Я сразу подумал, что этот парень и вытащил у меня из кармана часы. Наверное, и время у меня на остановке спросили не случайно, а чтобы убедиться, что у меня приличные часы. Парень спешно шел к передней площадке трамвая, и я крикнул Штукалюку, чтобы он его задержал, но Штукалюк не понял, чего я от него хочу. Тут открылась передняя дверь вагона, и парень вышел. К этому времени я уже подошел к Штукалюку и сказал ему, что этот парень унес мои часы. Трамвай уже тронулся. Я было подумал, что следует выйти из трамвая, догнать этого парня и отобрать у него мои часы, но пришел к выводу, что их тут целая шайка, и мы вдобавок к похищенным часам получим еще и по морде. Приехав к дяде, я рассказал ему о своем «приключении». Он мне посочувствовал. Забегая вперед, скажу, что следующие часы я приобрел только через 7 лет.

По выходным я время от времени ездил в центр города – либо в театр, либо в цирк, либо в городской парк. За год я был в оперном театре Челябинска два раза, в первый раз смотрел оперу «Отелло», а во второй – «Кармен». Мне очень понравились оперные артисты и их

голоса. Акустика в оперном зале была замечательная, и артисты пели безо всяких микрофонов и усилителей – всё было отлично слышно. В цирке я запомнил только клоуна, это был Олег Попов – достаточно знаменитый впоследствии артист. Я запомнил его по большой клетчатой кепке, которая в дальнейшем сопровождала его всюду и стала символом О. Попова до самой его глубокой старости. Мне говорили, это было его первое выступление после окончания циркового училища. Более того, кто-то мне даже сказал, что это выступление было его дипломной работой. Не знаю, насколько это все соответствует действительности. До этого я видел только одного клоуна – Карандаша в Московском цирке. Позднее в том же Московском цирке я увидел Ю. Никулина. Я считаю, что Попов, Карандаш и Никулин – равноценные по таланту люди. Теперь о городском парке. Он также находится в центре города, там находились различные аттракционы, но они меня не интересовали – я интересовался танцплощадками, их в парке я насчитал четыре. Возможно, танцплощадок было больше, но я по парку особо не разгуливал и других танцевальных площадок не обнаружил, кроме этих четырех. На трех из них танцевали самые различные танцы, причем преобладали «западные» танцы – танго, фокстрот, которые не приветствовались в СССР. А на четвертой танцплощадке танцевали исключительно русские народные танцы: кадрили, «Чародейку», «Коробочку», «Яблочко» и еще несколько других, совершенно мне незнакомых. Музыка воспроизводилась радиолой с усилителем. Я решил, что буду ходить на четвертую танцплощадку, потому что мне было интересно узнать, как танцуют эти танцы, новые для меня. Я не умел танцевать ни один из них, но присматривался к танцующим и со временем научился танцевать некоторые эти танцы. На танцплощадке имелся распорядитель, он же показывал, как нужно танцевать, и выстраивал пары так, как это требовалось для танца. За порядком на танцплощадке следила группа парней, и если кто-то из пар во время танца начинал выкидывать коленца и делать что-то, не соответствующее танцу, к этой паре подходили «наблюдатели» и немедленно выводили с танцплощадки. При этом они говорили: «Если вы хотите танцевать что-то другое вместо наших танцев, идите на соседние танцплощадки – там можно танцевать все, что угодно. И не приходите больше к нам, пожалуйста». Мне это нравилось. На эту же танцплощадку не пускали чересчур пьяных. Однажды я пришел на танцплощадку со своим приятелем-сварщиком. Я был абсолютно трезв, а вот мой приятель был пьян, и его не пустили на площадку. Как он только не пытался туда войти! Он выискивал различные проходы к ней, но, как только он появлялся на танцплощадке, его немедленно оттуда выставляли. И это тоже мне нравилось. Я также заметил, что на танцплощадке, где танцевали только русские танцы, народу всегда было больше, чем на любой другой. Получалось, что среди танцплощадок была конкуренция, и ее выигрывала именно танцплощадка с русскими народными танцами, куда не пускали пьяных. Мне приходили на ум различные запреты танцев у нас в техникуме и не только, но выходило, что любые запреты хуже открытой конкуренции, в которой выигрывает лучшее.

Недостатка продуктов в магазинах Челябинска не было. Особенно много было озерной рыбы, поскольку рядом полно озер. Одно из них, Смолино, было в черте города, в Тракторозаводском районе. Я только один раз был там и запомнил только, что рядом с этим озером хвойный лес или лесопосадка – отсюда и название озера. Еще мне в Челябинске понравилось то, что и летом, и зимой продавалось мороженое, много было кафе-мороженых. Я бывал в этих кафе – в довольно просторном помещении стояли столики, на которые официантки приносили в специальных чашечках мороженое разных сортов (их было не менее пяти).

Зима 1953—1954 года была для меня достаточно холодной, так как зимы в Украине, откуда я приехал, гораздо мягче, а в Челябинске температура зимой доходила до -35 градусов. Большинство мужчин ходили в шапках-ушанках, но уши у шапок никто из них никогда не опускал даже при сильном морозе и ветре. Все старались разогреть уши руками.

Я уже отмечал, что в Челябинске на улицах было очень много пьяных людей – как мужчин, так и женщин. Рабочие завода, выходя из проходных, сразу старались выпить хоть рюмку

водки в расположенных по всей длине забора между заводскими проходными ларьках, цепь которых тянулась от одной трамвайной остановки до другой. Я любил летом ходить пешком путь от завода до соцгорода. Эти 4 километра пути – санитарная зона между заводом и городом, дорога была с бетонным основанием, покрытым асфальтом. Несколько раз на этом пути мне попадались пьяные женщины, валяющиеся в кювете. А однажды я обогнал парочку девушек, одна из которых предложила мне себя за 5 рублей. Я понял, что эти молодые девчонки – рабочие треста «Челябметаллургстрой». Зарабатывали они немного, да и вообще строительные рабочие зарабатывали меньше, чем рабочие металлургического завода.

И завод, и соцгород начали строиться во время войны. Завод строился с полным металлургическим циклом и по новейшей технологии, хотя мартеновское производство стали к тому времени уже устарело, а доменное производство было самым современным и к тому же очень экологичным. Тем не менее, производство кокса в коксовых батареях было недостаточно экологически чистым – воняло ужасно, между прочим. В соцгороде также строились современные многоэтажные дома и современная инфраструктура: водопровод, канализация, электричество, газ, централизованная отопительная котельная. Также были построены несколько школ, детских садов, дворец культуры, два кинотеатра, здания металлургического техникума и металлургического института, больница, поликлиника (как ведомственная, так и муниципальная). Соцгород, как и завод, все время строился – огромный строительный трест «Челябметаллургстрой» строил как соцгород, так и цеха завода. Тем не менее, жилья не хватало – всё еще существовали два поселка, находящихся недалеко от соцгорода и завода. Они назывались «Шанхай» и «Копай-город». Я не был в первом, а во втором был и увидел там обыкновенные вырытые землянки, в которых жили люди с 1941 года. Говорили, что и «Шанхай» точно такой же. Там не было никакой инфраструктуры – землянки топились самодельными печами, ни газа, ни электричества, освещение керосиновыми лампами. Эти поселки подлежали расселению и уничтожению, но, когда я там был, люди всё еще в них жили.

Недалеко от места, где находились два наших финских домика, был поселок под названием Першино, в котором жили эвакуированные украинцы. Вот этот поселок был чудесным – там были сады, огороды и достаточно приличные частные домики. Кстати говоря, до приезда украинцев в Челябинск почему-то считалось, что там не могут расти помидоры, яблоны, груши и сливы. Приехавшие из Украины люди не знали этого и стали высаживать и сады, и огородные овощи. Оказалось, что все растет.

Я проработал на челябинском заводе до октября 1954 года. Завод работал плохо, не выполнял показателей, заданных ему главком, и зарплату нам не платили. Последние полгода, начиная со второго квартала, я не получал зарплату, а получал только аванс. Моя зарплата была 1000 рублей в месяц, но я получал только 300 рублей аванса и ничего более. С рабочими же рассчитывались полностью.

Тем временем я собирался в армию. Передав Оськиной по акту свой цех, я простился с работниками завода и персонально с Рябицевым. Завершив все свои дела на заводе, утром 4 октября я вместе с мамой был в сборном пункте областного военкомата. Там уже был представитель войсковой части, в которую нас направляли служить. Звали его капитан Репкин. Он построил нас, 30 человек спецнабора, и назвал войсковую часть и ее почтовый адрес, чтобы наши родители знали, куда отправлять письма, и велел собираться в путь.

Часть II – Армия

Глава 9

4 октября 1954 года я ехал в пассажирском поезде Владивосток – Москва в город Киров на службу в Советскую Армию. По словам работников Челябинского областного военкомата, мы, 30 призывников по спецнабору, первые будем ехать в пассажирском поезде. Они сказали, что из областного военкомата всегда отправляли призывников в товарных вагонах. Более того, за неделю до нашего отъезда Челябинский областной военкомат отправил 800 призывников эшеленом, состоящим из товарных вагонов и одного пассажирского вагона, в котором размещались вооруженные солдаты – охрана эшелона призывников. А нас впервые отправляли служить в пассажирских вагонах и без вооруженной охраны.

Меня призвали в войска ПВО – Уральский военный округ, Уральская армия ПВО. Я ехал служить в армию не добровольцем. В какой-то степени призыв в армию для меня был принуждением, но я нисколько не огорчился. Я сравнивал свою прошедшую жизнь и все невзгоды, перенесенные мною до призыва в армию, с тем, что мне предстояло пережить. Главным преимуществом армии для меня в то время было то, что там будут кормить. Еда до сих пор была главным в моей жизни. За время войны я наголодался на много лет вперед. До августа 1953 года я считал, что человек не может сказать, что он наелся досыта. А в армии регулярно кормят, и это меня устраивало полностью. Все остальные армейские трудности и возможные лишения меня нисколько не пугали. Я ехал служить в армию почти с удовольствием, во всяком случае, с оптимизмом.

30 человек призывников – это был спецнабор, все призывники со среднетехническим образованием различных специальностей. Сопровождал нас представитель войсковой части капитан Репкин. Еще на вокзале в Челябинске он сказал, что мы едем в город Киров, войсковая часть №21491, проходить службу будем в 36-ом отдельном радиотехническом батальоне.

Репкин предупредил, что во время поездки никакого алкоголя никто не употреблял. Он сказал: «Обратите внимание, со мной нет вооруженных солдат для того, чтобы сдерживать ваши эмоции силой. Давайте договоримся, что вы не пьете – я за вами за всеми проследить не могу. В пути у нас будет несколько длительных остановок. Если кто-нибудь отстанет вдруг от поезда, не успеет сесть, немедленно обращайтесь к военному коменданту, который имеется на каждой железнодорожной станции, и догоняйте».

Кстати, у нас был один такой случай. Призывник, как сейчас помню, по фамилии Конаков, шахтер из Копейска, отстал от поезда, но быстренько обратился к военному коменданту. Комендант дал телеграмму начальнику нашего поезда для сообщения Репкину о том, что он посадил Конакова на паровоз товарного поезда, и этот поезд догонит наш пассажирский поезд на указанной комендантом станции. Конаков присоединился к нам на этой станции.

На какой-то из остановок, когда мы вышли на привокзальную площадь, нас окружили цыгане и уговорили всех нас отдать им теплые вещи. У меня был пиджак, и я его отдал. У некоторых призывников были ватные телогрейки, они также отдали их цыганам.

На следующие сутки мы приехали в Киров, строем отправились на окраину города, где располагалась казарма нашего батальона, а оказалось, что одежды и обуви для нас нет – не привезли к призыву. В гражданской одежде в казарму нас не пустили и разместили в палатке во дворе. Палатка была одна, большая армейская, в ней разместились все мы – 30 человек. Нам выдали матрасы, наволочки, две простыни и одеяло. Мы набили матрасы и наволочки соломой, уложили на землю матрасы и вповалку разместились в палатке.

Никакими делами нас не загружали. В палатке уже спать было достаточно холодно, и все мы нелестными словами поминали цыган и ругали сами себя за то, что отдали им верхнюю одежду – теперь бы она пригодилась. Тем не менее, в палатке особенно никто не замерзал. Правда, просыпаясь утром, все со своих подстриженных голов смахивали иней, и вставать из-под одеяла утром никому не хотелось. Подъем в войсковой части был в 7 часов утра, нас же никто не поднимал. Мы никому не были нужны и ничем не занимались. Несмотря на то, что в 7 часов утра вокруг палатки уже бурлила жизнь, все мы ещё валялись в постели. Никто не хотел вставать – было холодно. Все же это октябрь на Севере страны, и земля вокруг палатки уже замерзла.

Я не унывал и вставал, выходил из палатки именно в 7 часов утра, когда поднимались все вокруг. Я снимал рубашку и майку и делал физзарядку в течение 10 минут. Вода к тому времени в умывальнике была уже залита, и я до пояса умывался холодной водой – было ужасно холодно. Но когда я надевал майку, сразу становилось теплее, а когда надевал затем рубашку, уже было совсем тепло, и я начинал будить спящих товарищей.

Некоторые из них уже проснулись, но вставать никто не хочет. Я начинаю с ними разговаривать. Кто-то меня ругает, кто-то со мной разговаривает и смеется, и время подходит к завтраку. Я их пытаюсь поднять: «Идем завтракать!». Самое большее два человека встают и со мной идут в столовую, а остальные говорят: «Мы не пойдем, вы нам принесите чего-нибудь поесть».

Хлеб в столовой мы брали на всех, остальное приносили, сколько могли. Конечно, приносили мало. Парни жертвуют завтраком и почти до обеда валяются в постели.

Так продолжалось дней 5, потом, наконец, привезли обмундирование. Нас всех построили и повели в баню, с нами все тот же капитан Репкин. В бане еще раз постригли перед мытьем, мы вымылись. Там нам выдали уже форму – одежду и обувь. Все стали друг над другом смеяться – все стали одинаковыми, и не узнаешь, где твой товарищ, с которым ты за время поездки познакомился.

Старую нашу одежду взяли и сказали, что вернут к демобилизации. Мы построились и пришли уже в казарму. Пока мы ходили в баню, нашу палатку убрали и место привели в порядок.

Позже прибыли новобранцы из Красноярского края – тоже 30 человек – и стало нас 60 человек. Еще прибыли новобранцы из Грузии – также 30 человек – итого нас стало 90 человек. Между прочим, все со среднетехническим образованием, кроме грузин – те закончили только 11 классов русской школы.

Вначале был карантин – 10 дней. После этого начался «курс молодого бойца», т.е. начались будни армейской службы. Мы все сфотографировались – не группами, а каждый в отдельности. Я послал письмо маме домой в Челябинск и послал своей невесте в Каменец-Подольский. Увы, я понял, что мое дело с невестой лопнуло. Теперь помимо расстояния нас разлучили на 4 года. Лена оканчивала техникум в 1955 году, к тому времени ей исполнялось 18 лет. Вполне можно было выходить замуж, мне можно было жениться и в 1953 году, когда я окончил техникум и был рядом с ней. Но она была несовершеннолетняя, ей не было 18 лет, и мы отложили свадьбу до ее совершеннолетия. А тут у меня получился облом с институтом и с Москвой, планы наши рухнули, и теперь я в армии сроком на 4 года. Чрезвычайно маловероятно, что она будет меня ждать. Вскоре я получил письмо из Каменец-Подольского, писал мужчина. Он написал, чтобы я больше писем Лене не писал, что они поженятся в 1955 году, а мне пожелал отличной службы в армии. Этим письмом и закончилась, не начавшись, моя свадьба с Леной.

Нас готовили к принятию присяги: мы изучали различные воинские Уставы и общевойсковое оружие.

Нас стали посылать на разгрузку вагонов с дровами. Всё отопление в батальоне было дровяное, топились все печи дровами. Надо было разгрузать каждый день по 3—4 вагона.

Это происходило так: командир роты строит в коридоре всех солдат нашей роты, затем к нам подходит капитан – начальник клуба батальона – и говорит: «Кто хочет участвовать в художественной самодеятельности – выйти из строя».

В первый же день вышел один человек по фамилии Янченко – здоровый, двухметрового роста, мастер спорта по лыжам. Оказалось, что он до призыва в армию участвовал в художественной самодеятельности города Ачинска. Он был солистом в городском хоре. Я из строя не вышел.

Вот идем разгружать вагоны с дровами. Разгружаем вагоны, потом выделяют несколько человек заготовливать дрова офицерам нашего батальона. На следующий день нас опять отправляют на разгрузку вагонов. Перед отправкой опять капитан спрашивает: «Кто хочет участвовать в художественной самодеятельности?». Вышло из строя 3 человека.

На третий день я также вышел, не пошел дрова разгружать. Я сказал, что, когда я учился в техникуме, я пел в хоре, но солистом не был. Меня руководитель хора попросил что-то пропеть. Я пропел, и он сказал, что я иду в батальонный хор. Поставили меня в определенное место, сказали: «Вот здесь будешь стоять». «Хорошо», – ответил я, и на разгрузку вагонов больше не ходил.

После окончания «курса молодого бойца» мы принимали присягу. Это было 20 ноября 1954 года. Принятие присяги прошло буднично, никаких родителей на присягу никто не приглашал.

После принятия присяги капитан Репкин объявляет нам, что проводятся наборы на курсы специалистов. Курсы в Свердловске, там будут обучать радистов и операторов радиотехнических станций, туда нужно 30 человек. 30 человек также будут отбирать в школу офицеров запаса. Эту школу, можно сказать, училище создает командование Уральской армией ПВО. В это училище принимаются солдаты первого года службы, имеющие среднетехническое образование. Не имеет значения, по какой специальности, срок обучения в училище 1 год.

По окончании училища курсанту, сдавшему Государственный экзамен, необходимо было на офицерской должности прослужить 1 год. В итоге после двух лет службы ему присваивалось звание младшего лейтенанта, и его должны были демобилизовать в запас. Это училище называлось также «Школа офицеров запаса».

Юрий Михайлович Стальгоров, город Киров, 1954 год.

Я обдумал эти условия: получалось, что я могу прослужить в армии только два года, а без учебы в этой школе мне нужно служить 4 года. Я пошел к заместителю командира батальона по строевой части, подполковнику, записываться кандидатом на отправку в это училище. Оказывается, у подполковника был список участников художественной самодеятельности. В этом списке была и моя фамилия. Подполковник сказал, что участников художественной самодеятельности в команду, которую он формирует, замполит запретил записывать. Если я очень хочу поступить в это училище, то должен обратиться к замполиту.

Я пошел к замполиту. Это был майор Казимирчук, мой земляк – белорус. Он провоевал всю войну. Я к нему обратился именно как к земляку.

Я сказал:

– Товарищ майор, я ваш земляк и очень прошу вас посодействовать мне в поступлении в училище офицеров запаса. Меня туда заместитель командира по строевой не записывает. Он ссылается на то, что вы запретили включать в эту команду участников художественной самодеятельности, и без вашего разрешения он меня не включит в эту команду.

Майор говорит:

– Но ты ведь участвуешь в художественной самодеятельности.

– Да, участвую в хоре, не более того. Я петь не умею и, когда нужно петь, я раскрываю рот. И, чтобы не портить общее пение, я голоса не подаю.

– А зачем же ты записался в хор?

Я рассказал ему историю моей записи в художественную самодеятельность – я избегал разгрузки железнодорожных вагонов. Майор говорит:

– А ты не врешь?

– Нет, зачем мне врать?

Тогда замполит вызывает начальника клуба – того капитана, который меня записывал в хор, и спрашивает его:

– Вот рядовой Стальгоров солист?

Капитан:

– Да нет, он не солист, но в хоре поет.

– А Стальгоров говорит, что он не поет, а только рот открывает, чтобы не портить общее пение.

Капитан посмотрел на меня и говорит:

– Все может быть.

Замполит:

– Так может быть, мы его отпустим? Черт с ним, пусть уезжает. Хор твой без него развалится?

– Конечно нет, пусть едет.

Майор Казимирчук поднимает телефонную трубку и говорит заместителю командира по строевой части: «Вот у меня сидит рядовой Стальгоров, он просится в команду, которая едет в Магнитогорск в „Школу офицеров запаса“. Как там, есть ему ещё место? Или все уже заполнено?». Тот что-то ответил ему, майор положил трубку и говорит:

– Все, поедешь в Магнитогорск, тебя записали.

Я вскакиваю, беру под козырек и говорю:

– Большое спасибо, служу Советскому Союзу, разрешите идти!

– Идите, счастливого пути.

Глава 10

25 ноября 1954 года приехали мы в Магнитогорск. Наше училище находилось в стадии организации. Училище состояло из двух рот, каждая рота из 6 взводов по 24 человека – итого 144 человека курсантов в каждой роте. К каждому взводу курсантов были прикреплены два сержанта из роты обслуживания – командир второго отделения и командир первого отделения, он же помощник командира взвода. Командирами взводов были офицеры. Меня зачислили в 6-й взвод 2-й роты. Командиром нашего взвода был лейтенант Деревянкин.

Училище разместили на территории Второй зенитно-артиллерийской дивизии ПВО. Этот военный городок размещался на берегу реки Урал, рядом с поселком Вторая Плотина. Территория этого городка примерно два квадратных километра. На ней размещались штаб дивизии, ее хозяйственные службы и две резервные батареи. Каждая батарея – это два зенитно-артиллерийских комплекса. Зенитно-артиллерийский комплекс состоял из станций орудийной наводки СОН-4, прибора управления зенитным огнем (ПУАЗО) и 4-х зенитных артиллерийских орудия калибра 90 мм. Это были американские комплексы. Батарея состояла из двух таких комплексов.

Нам выделили одно казарменное здание и отдельно стоящий учебный корпус. На этой территории размещались также три склада артиллерийских снарядов. Вся территория этого военного городка была ограждена, на въезде были ворота, калитка и КПП. Рядом с КПП располагался магазин.

Здание казармы строилось для батальона именно из двух рот. Одну половину занимали мы, а вторую половину симметрично первой половине по строениям занимала первая рота. Казарма для одной роты состояла из спального помещения размером 54 на 24 метра. В этом помещении у наружных стенок стояли двухъярусные кровати, сгруппированные по две, т.е. для 4-х человек. Между каждой группой был метровый проход, в котором стояли две тумбочки, одна на другой. Середина этого спального помещения была свободной. Ее ширина около 6 метров на всю длину помещения. На этой площадке проводилась: вечерняя поверка и различные другие построения роты.

К торцу этого помещения пристроен поперечный пролет здания длиной 24 метра и шириной 18 метров. Вход в казарму был через этот пролет, в котором был длинный коридор шириной 3 метра на все 24 метра казармы. В этом пролете находились следующие помещения: так называемая Ленинская комната, каптерка и туалетные комнаты. В двух туалетных комнатах находились непосредственно помещение для оправления естественных надобностей и умывальник. Отхожее место было без кабин, в полу 6 штук чаш Генуя с автоматическим сливом воды. Солдат, который отправлял свои естественные надобности, приседал на эту чашу в позе, которую мы называли «поза орла». В умывальной комнате душа не было.

В огромном спальном помещении воздухообмен был естественным. Нужно было открывать форточки или окна, потолка в корпусе не было. По центру крыши располагался крышной фонарь шириной 6 метров на всю длину спального помещения. Фрамуги фонаря были с двух его боков, открывались и закрывались они электрическим приводом. Все помещения этого городка, в том числе и казарменные, строили пленные немцы в 1946—1949 гг. Перед входом в спальное помещение располагался пост дневального с тумбочкой.

Командиром роты был молодой старший лейтенант Панин, в прошлой войне не участвовал, а старшина был старше его лет на 10, и у него вся грудь была в орденах и медалях, он воевал. У старшины фамилия была Гринько.

После того, как мы повзводно расставили кровати, матрасы и наволочки набили соломой, нас построил старшина. Выдали нам постельное белье. Старшина говорит:

– Вот что, курсанты, нам нужно навести в казарме некоторый порядок. Прежде всего – окна. Оконные рамы деревянные, нужно проверить их и покрасить. Нужно покрасить и входные двери, пол красить не будем. Однако у меня ничего нет для того, чтобы красить – ни краски, ни кисточек. Училище ведь только организовалось, вот мы с вами должны принять участие в благоустройстве нашей казармы. Понятно?

Кто-то спросил:

– А где же взять краску и кисточки?

Старшина:

– Я этого не знаю, необходимо проявить солдатскую находчивость. Цвет краски может быть любой, но она должна быть соответствующего состава, чтобы ей можно было красить. Естественно, кисти также нужны. До отбоя мы должны закончить эту работу. Это поручается первому и второму взводу, остальные будут приводить в порядок туалет и Ленинскую комнату. С ними будут заниматься сержанты из роты обслуживания. Поскольку окраски довольно много, если понадобится первым двум взводам помощь, обращайтесь ко мне. Я буду выделять курсантов из других взводов.

Потом он говорит мне лично:

– А вот вы, товарищ курсант, фамилия?

Я сразу же:

– Курсант Стальгоров.

– Я поручаю вам изготовить для всей роты прикроватные таблички размером 15 на 10 см и написать на них фамилию имя и отчество каждого курсанта. Понятно?

– Так точно, товарищ старшина, а где фанера?

– А это ваша забота, товарищ курсант! Я вам поручил изготовить таблички, значит, вы должны найти фанеру, изготовить эти таблички и написать на них то, что требуется. Это приказ.

– Да где же я найду столько фанеры? Ведь надо сделать 144 таблички!

– Проявите солдатскую находчивость, понятно?

– Так точно!

Я пошел по военному городку искать фанеру, а фанеры нигде нет. Подхожу к КПП – там рядом магазин. И вижу, что возле него лежит пустой фанерный ящик из-под чая. Я прикинул, что мне двух ящиков вполне достаточно.

Захожу в магазин, здороваюсь с продавцом и говорю ей:

– Вот мне бы ящик этот, отдайте мне его, пожалуйста.

Она говорит:

– Не могу, солдатик, это возвратная тара.

– А у вас есть еще?

– Да, у меня еще 2 ящика: в одном уже чай заканчивается, а другой полный упакован и закрыт, я не открывала.

Я ей честно рассказал о задании старшины и говорю:

– Мне надо эти два ящика.

– Я не могу, это возвратная тара.

– А если кто-то ящик взял и он пропал? Как вы тогда отчитываетесь перед Военторгом?

– Пришлось бы 5 рублей платить за этот ящик.

Ага! А у меня денег в кармане было 20 рублей! Я ей говорю:

– Так все в порядке! Я вам плачу за каждый ящик по 5 рублей, и вы отдаете в Военторг эти деньги.

Она посмотрела на меня и говорит:

– Конечно, это выход. Только ещё один ящик у меня не полностью освобожден.

– У меня к вам убедительнейшая просьба, освободите, пожалуйста! Вот вам 10 рублей, и отдайте мне 2 ящика, ради бога.

Она опять подумала и говорит:

– Ну, ладно, хорошо, отдаю тебе.

Я беру эти 2 ящика, иду к себе в казарму и принимаюсь за изготовление табличек.

В конце дня докладываю старшине:

– Товарищ старшина, ваш приказ выполнен.

– Молодец!

Смотрю, у нас окна покрашены. Я спрашиваю курсантов, которые красили:

– А где вы краску взяли?

Они отвечают:

– Да мы пошли, стали искать, нашли казарму или какое-то помещение, в котором недавно красили, зашли туда, а там стоят остатки этой краски. Мы попросили, и нам ее дали вместе с кисточками.

– А какая краска?

– Да какая была, такую и взяли.

– А старшина что сказал?

– Старшина сказал, что мы молодцы и выполнили его приказ.

Я был удовлетворен тем, что я выполнил приказ старшины. В начале у меня не было ничего, была полная растерянность и мысль, что приказ выполнить невозможно. Однако же я проявил определенную находчивость и, грубо говоря, из ничего сделал что-то, т.е. таблички. Я уверился в своих собственных силах – оказывается, я способен сделать иногда почти невозможное.

Глава 11

И вот мы учимся. Наш рабочий день начинается с подъема в 7 часов утра. После подъема – физзарядка, умывание, приведение себя в порядок и кое-какая подготовка к завтраку. После завтрака – занятия в учебном корпусе до 14 часов. Потом обед, послеобеденный сон, занятия общевоинской подготовкой или хозяйственными работами, перед ужином два часа самоподготовки по изучаемым теоретическим дисциплинам. Затем ужин, после ужина один час свободного времени, вечерняя поверка и в 10 часов отбой.

Утренний подъем объявлял старшина. Он громко кричал: «Рота, подъем!». Необходимо быстро встать с постели, надеть брюки, гимнастерку и сапоги, предварительно обернув ступни ног портянками. Зарядка выполнялась повзводно во дворе; поскольку была зима, поэтому надевалась гимнастерка навывпуск без ремня. Постель не заправлялась, только аккуратно закрывалась одеялом. Встать, одеться и обуться, аккуратно уложить одеяло на кровати – на это давалось времени 2 минуты. Обычно в это время укладывались все курсанты, но бывало, что кто-либо запаздывал. Тогда этому взводу была команда: «Отбой!». Курсанты раздевались, разувались, ложились в постель и укрывались одеялом. Через три минуты давалась повторная команда: «Подъем!». И, если опять кто-либо не успевал, снова была команда: «Отбой!».

Это нервировало. Тогда курсанты обращались к своему товарищу, который запаздывал с выполнением команды: «Если ты ещё раз запаздываешь, туго тебе придется». Как правило, после такого предупреждения выполнить команду «Подъем!» успевали все. Все повторные команды «Подъем!» и «Отбой!» давались помощником командира взвода – сержантом, который утром перед подъемом приходил в казарму вместе со старшиной. И он же находился с нами все время, включая вечерний «Отбой!».

Нормативное время выполнения команды «Отбой!», т.е. ложиться спать на послеобеденный сон или на ночь, давалась полторы минуты. И все те нюансы, описанные мной по команде «Подъем!», происходили и по команде «Отбой!». Я успевал выполнить команды «Подъем!» и «Отбой!». Более того, за 1,5 минуты выполнения команды «Отбой!» я успевал раздеться, разуться, выставить сапоги и накрутить на них портянки для сушки, лечь в постель и даже заснуть. И, когда повторно поднимали взвод из-за не успевающих улечься курсантов, мне нужно было проснуться.

После подъема взвод выбегал во двор на физзарядку. Перед этим забегали в какой-то пустующий уголок площадки и справляли малую нужду. К концу зимы в этом месте выросла наледь высотой около полуметра. Т.е. все то, что мы опорожнялись из мочевого пузыря, замерзало, т.к. были сильные морозы.

После отправления естественных надобностей делался комплекс физических упражнений при любой погоде. После физзарядки взводы возвращались в казарму, заправляли аккуратно постели, чистили зубы и умывались, т.е. мыли лицо и руки. Некоторые умывались холодной водой до пояса.

Потом был завтрак, на который выходили одновременно две роты. На завтрак была какая-либо каша или макароны, иногда бывало овощное рагу. К гарниру полагался кусочек мяса. Вторым блюдом был чай. к нему полагалось 20 граммов сахара. За стол садилось 12 человек, т.е. каждый взвод занимал два стола. Гарнир из раздаточной подавался в алюминиевом бачке, курсанты сами раскладывали гарнир по тарелкам. Мясо подавалось в такой же бачке отдельно, нарезанное кусочками в соусе. Курсанты сами раскладывали по кусочку мяса в каждую тарелку. Чай подавался на стол в чайнике, уже заранее заваренный. Иногда чай подавали сладким. Это значило, что воинская часть получила сахар не рафинад, а сахар-песок. В этом случае чай был менее сладок. Если на стол подавался сахар кусочками на 12 человек, его также делил какой-либо курсант – раскладывал на 12 кучек, а потом давал команду «Взяли!». Все

12 человек кидались каждый за намеченной кучкой, иногда получалось, что к одной кучке устремлялось 3—4 руки. Было шумно и весело, никто со злостью не скандалил.

Обед. На обед было первое блюдо: либо суп, либо щи, либо рассольник. Первое блюдо варилось вместе с мясом, но подавалось без него, так как оно шло к гарниру второго блюда. На второе подавалась какая-либо каша или макароны и кусочек мяса, которое ранее варилось в первом блюде. Третьим блюдом был компот из сухофруктов, не сладкий. Первое блюдо подавалось на стол в 8-литровом алюминиевом бачке. После раздачи первого блюда бачок возвращался в посудомойку, где его мыли и подавали в раздаточную. В раздаточной в бачок клали гарнир, в еще одном бачке подавали мясо с соусом. Из бачков эти блюда клали в тарелку сами курсанты. Обычно за это дело брался какой-то курсант, его называли почему-то «разводящий». Он и наполнял тарелки курсантов едой из бачков.

Ужин состоял из двух блюд. Первым блюдом был опять же какой-нибудь гарнир из какой-либо каши или макарон и кусочек рыбы – 100 гр. Вторым блюдом был чай. Здесь полагалось 15 гр. сахара. Раздача пищи и дележ сахара происходили точно так же, как в завтрак. Из гарниров солдатам больше всего нравились овсяная каша и овощное рагу. Часто очень варили манную кашу. Вот ее курсанты не любили. Манную кашу называли: «Детям в радость – солдатам слезы». Мяса полагалось в сутки 150 гр., рыбы – 100 гр. Рыба была отварная треска либо лососина, иногда была соленая селедка.

Оценивая всю эту еду, скажу, что в первые две недели буквально всем курсантам еды было мало. Потом привыкли – установившийся режим дня, и не такое уж плохое питание не казалось скудным. Тем не менее, на мой взгляд, ужин был слабоват. Мне лично хватало, но у нас во взводе было два курсанта, которые все время просили добавки через окошко раздаточной. На мой взгляд, это больные люди, потому что они теряли человеческий облик, если им не давали добавки. По выражению курсантов, эти двое все время закрывали кухонную «амбразуру». Как правило, добавку им давали.

Время на принятие пищи в столовой отводилось строго. Если кто-то почему-то вдруг не успевал поесть, он вынужден был вставать и уходить, оставляя часть своей еды. Раскладывать по тарелкам и есть нужно было быстро, потому что по окончании отведенного на прием пищи времени роту поднимали и выводили из столовой. Доели курсанты или нет, не имело значения.

Во второй половине дня у нас были строевые занятия или хозработы. Строевые занятия проходили на плацу в любую погоду. При морозах более 20 градусов мерзли пальцы ног. Если мы стояли в строю, командир взвода говорил: «Если у вас мерзнут пальцы ног, шевелите ими, и вы их согреете». Помогало – пальцы более-менее согревались. Когда это не помогало, и кто-либо жаловался, строем бегали по плацу и согревались.

Хозяйственные работы были одни и те же – мы работали на складах артиллерийских снарядов. Мы выносили из складов американские снаряды калибра 90 мм. Взамен них клали снаряды наши – калибра 100 мм. Соответственно, приходилось переносить туда-сюда и взрыватели – самый опасный груз. На склады нас пропускали через караульное помещение, где мы выкладывали все курительные принадлежности, а также спички, зажигалки. Более того, нас обыскивали.

Мы работали два месяца. Дело в том, что проходило перевооружение зенитных артиллерийских дивизий с американского вооружения на советское. До 1955 года на вооружении артиллерийских зенитных дивизий находились американские зенитно-артиллерийские комплексы.

Помимо различных хозработ взводы курсантов на сутки отправлялись в наряд. В этот день занятий не было. Одно отделение взвода несло караульную службу, другое отделение взвода уходило работать в столовую. Это был очередной наряд, каждый взвод ходил в этот наряд один раз в 12 дней.

Зима была суровая: окна были закрыты, потолочные фрамуги были немного открыты. Во время сна в спальном помещении был чрезвычайно спертый воздух, при том достаточно вонючий и, если открывались из коридора двери и приходилось входить в спальное помещение, когда там все спали, то спертый воздух буквально давил и не пускал туда заходить.

В баню мы ходили раз в неделю. Она располагалась в одном здании с котельной, которая отапливала казармы и столовую. В учебных корпусах и медсанчасти было печное отопление.

Нижнее белье представляло собой рубашку с длинными рукавами и кальсоны с завязочками внизу и на поясе, пуговиц у кальсон и рубашки не было. В зиму мы носили двойное нижнее белье. Само нательное хлопчатобумажное полотняное, достаточно холодное белье носилось и зимой, и летом. Помимо него выдавалось теплое белье из фланели. Это были рубашка и кальсоны. Нательное белье стиралось и менялось еженедельно, после бани выдавалось чистое, выстиранное нательное белье, потому что в солдатской норме белья было положено два комплекта нательного нижнего белья. А вот фланелевого нижнего белья по норме приходился только один комплект. Фланелевый комплект нижнего белья надевался на нательный. Получалось, солдат носил на себе два комплекта нижнего белья. Фланелевое белье носилось без стирки три недели и на 4-ю неделю отправлялось в стирку. В это время солдат ходил в одном нательном нижнем белье, было холодновато.

Брюки назывались шароварами. Гимнастерка представляла собой обыкновенную рубашку – воротник-стойка, с двумя внутренними карманами на груди и достаточно длинным подолом. Носилась она навывпуск и подпоясывалась широким солдатским ремнем. Гимнастерка и шаровары выдавались на 1 год.

Стирка им не полагалась – нужно было выбирать время и стирать самим где-нибудь в умывальнике или в бане, но тогда взамен нечего было надевать. Поэтому время для стирки было выбрать трудно. И уже через два месяца моей службы в Магнитогорске гимнастерка стала чрезвычайно грязной. Если гимнастерка была очень грязная, старшина делал замечание и велел стирать. Стирали гимнастерки мы сами вечером – за ночь гимнастерка высыхала.

Обувь – кирзовые сапоги, выдавались они на два года. К сапогам полагались портянки, которые выдавались на 1 год и представляли собой примерно 40 на 80 см кусок плотной хлопчатобумажной ткани. Эти портянки носились летом и зимой, а на зиму к ним дополнительно выдавались точно такого же размера портянки из суконной ткани. Эти портянки выдавались на одну зиму. Зимой курсант надевал двое портянок: полотняные хлопчатобумажные, а на них наматывались суконные.

Головной убор – шапка-ушанка из искусственного меха. На мой взгляд, достаточно приличная. На все три года выдавались так же шинель и бушлат.

Хочу сказать также о нашем культурном времяпрепровождении. Еженедельно мы должны были смотреть кинофильмы или бывать на каких-либо эстрадных концертах. В расположении артиллерийской дивизии, где размещалось наше училище, не было кинотеатра, но был клуб примерно на 800 с лишним мест. На концерты туда приезжали различные эстрадные артисты примерно раз в месяц. Несколько раз нас также водили в Магнитогорск в кинотеатры. Ходили мы туда пешком, а это 9 километров.

Начиная с января 1955 года курсантов училища начали пускать в город в увольнение. Время увольнения было с 10 до 23 часов. Увольнение в город давалось не более чем десяти курсантам из каждой роты. Учитывая, что нужно было затратить около 4 часов на дорогу туда и обратно, на мой взгляд, время увольнения проходило очень непродуктивно – все же незнакомый город, незнакомые люди.

Глава 12

Я решил бросить курить. Курящим в армии выдавалась махорка в пачках и пакетики курительной бумаги, никаких сигарет или папирос не было. Курящий сворачивал так называемую сигарку и курил ее. Курить разрешалось только в специально отведенных местах. Некурящий солдат (курсант) получал дополнительно 20 граммов сахара в сутки.

И вот я бросаю курить, а курить я начал с 16 лет. Ранее я записался как курящий, но после решения бросить курить я решил не записываться все же в ряды некурящих на получение дополнительного сахара – подумал, обойдусь без дополнительных 20 граммов сахара, а там будет видно.

Идем на занятия в учебный корпус, с нами вместе идет на занятия помощник командира взвода – сержант из роты обслуживания. Я даже сейчас помню его фамилию – Щербаков. Достаточно дружелюбный парень. И вот после первых 45 минут занятий 10 минут перерыв. Все курящие выходят из класса и идут перекурить. Это практически здесь же, но в специально оборудованном для курения месте. А я как некурящий остаюсь в классе – все же зима, и во дворе довольно холодно. А классы отапливались дровами – в каждом классе стояла печь, и туда надо было подбрасывать дрова.

И вот сержант говорит мне: «Ты как некурящий остаешься в класс. Принеси дровишек, подбрось их в печку и следи хотя бы эти 10 минут, чтобы дрова горели в печи нормально». Я проделываю эту работу во время перерыва. Каждый день занятий – 5 перерывов, и я в эти перерывы приношу дровишки и делаю все то, что мне поручено. Через неделю мне это надоело. Все курсанты из моего взвода продуктивно отдыхают все эти перерывы, ещё и посмеиваются надо мной. Я продержался вторую неделю – ситуация все та же. Тогда я запасся пачкой махорки и курительной бумаги и в очередной понедельник, когда наш сержант дает мне указание по обслуживанию печки, я ему говорю: «Виноват, товарищ сержант, я уже курящий». Показываю ему махорку, бумагу, начинаю сворачивать сигарку и говорю:

– Извините, придется кого-то другого искать, я свое отработал. Моя попытка бросить курить провалилась.

Он посмотрел на меня и говорит:

– Значит, не бросил курить?

– Выходит, что так.

Я пошел к месту курения, а сержант назначил для обслуживания печи на этот день другого курсанта. И впредь он назначал (уже теперь курящими были все) на эту работу очередного курсанта.

Глава 13

В ближайшее воскресенье после 1-го января я попросил старшину отпустить меня в увольнение в город Магнитогорск. Нас собралась группа из пяти человек. Мои товарищи по увольнению были шахтерами из Копейска, вместе с которыми я призывался в армию из Челябинска. Мы выходили в 10 часов утра, нужно было прийти до 11 часов вечера. Все мы, 5 человек, пошли пешком в Магнитогорск, а это 9 километров. Кто-то из нашей компании был в увольнении раньше и знал, где в общежитии живут девушки, и привел нас всех туда. Зашли мы в общежитие, а в общежитии моим товарищам понадобилось выпить, и девчонки были не против. Я в армии алкоголь не употреблял, и желания выпить у меня не было.

Вот они начинают складываться, и потом говорят:

– Ну, ладно, а ты?

– А я не пью.

– Ну, всё равно складывайся деньгами!

Я отдал деньги и говорю:

– Так это много!

– Да что там много? По бутылке на брата, считая тебя!

– Но ведь я не буду пить!

– Спасибо, не пей на здоровье – мы выпьем!

– А кто теперь пойдет за водкой?

Они отвечают:

– Иди ты.

Я говорю:

– Не пойду, ведь я пить не буду.

– Нет, ну, раз ты не будешь пить, ты хоть сходи.

Я пошел, купил пять бутылок водки, принес им. Они стали пить, стало шумно. Я говорю: «Я пойду в кино». Они ответили: «Ну, иди». Я сходил в кино, сходил еще куда-то, не помню куда, и вернулся вовремя в училище. Докладываю старшине, а он мне говорит:

– А где остальные твои друзья?

– Да черт их знает!

Я сказал старшине, что оставил их в женском общежитии, и ушел спать.

Мои товарищи не вернулись и к утру. Выясняется, что они в этом общежитии напились, передрались между собой, девчонки вызвали милицию, милиционер вызвал военный патруль, и их всех четверых посадили на гарнизонную гауптвахту. Утром начальник гарнизона позвонил нашему начальнику училища. Наш начальник сказал, что пришлет за этими разгильдяями автомобиль с конвоем. К обеду их привезли. После обеда в Ленинской комнате нашей роты собралось комсомольское собрание, а комсомольцы – это вся рота. В президиуме замполит училища, командир нашей роты, секретарь комсомольской организации – начинается разборка.

Бывшие арестованные сидят отдельно, как бы на скамье подсудимых, я сижу со всеми остальными. Поднимают одного из «шахтеров» и начинают спрашивать, как было дело. Это был Кашкаров. Он начал: «Нас было пятеро, в том числе и курсант Стальгоров. Стальгоров с собранными деньгами сходил за водкой, принес ее – это было 5 бутылок – и мы ее выпили. Напившись, мы передрались между собой, и нас забрали на гауптвахту». Замполит спросил его:

– Стальгоров с вами пил?

Кашкаров ответил:

– Нет, он принес водки и ушел в кино.

Поднимают меня. Я подтверждаю:

– Да, поскольку я не пью, то я сразу же и ушел.

Замполит:

– Но ты же им водки принес?

– Они попросили, чтобы я как непьющий хотя бы сходил за водкой.

Замполит спрашивает Кашкарова:

– Это так?

– Да, так точно.

– А если бы Стальгоров водки не принес?

Этот подлец Кашкаров отвечает:

– Конечно же, мы бы не напились.

Замполит спрашивает остальных:

– Это так?

Они отвечают:

– Конечно, так!

Замполит спрашивает старшину роты:

– А Стальгоров пришел из увольнения вовремя и был ли он нетрезв?

Старшина отвечает:

– Стальгоров пришел вовремя, доложил мне и был совершенно трезв.

Таким образом, я оказался организатором вот этой солдатской пьянки. В увольнении я не пил совсем и пришел к себе в войсковую часть совершенно трезвым, и это почему-то ещё более усугубило мою вину. Мне объявили по комсомольской линии строгий выговор с занесением в личное дело. Замполит училища уже по административной части объявил мне взыскание – 6 нарядов вне очереди (исключая гауптвахту это самое строгое наказание), а остальным по два наряда вне очереди.

Наряд – это значит в свободное время какие-то работы. Притом, поскольку это наказание, армейский Устав запрещает посылать в караул. Остается либо мыть казарменный пол либо рабочим на кухню.

Глава 14

Кухня считалась самым тяжелым нарядом. Пол мыли обычно, хоть это и запрещалось, палубным способом, поэтому это не такая большая трудность для солдата, а вот на кухне – это да.

Во-первых, нужно встать в 4 часа утра. Во-вторых, принести с продуктового склада крупу, картошку, мясо и другие, достаточно тяжелые грузы, так как кухня артиллерийской дивизии готовила на 900 человек. Поэтому мешков приходилось таскать со склада много. Еще достаточно трудоемкой была чистка картофеля. Картофель был отечественный и импортный. Для чистки картофеля существовала специальная машина, по размеру примерно с домашнюю стиральную машинку. В эту картофелечистку загружалось ведро картофеля, а через 2—3 минуты выгружался почищенный картофель. В ней циркулировала вода, которая смывала картофельные очистки в канализацию.

Если картофель был импортный, то после картофелечистки с ним никакой возни больше не было. Импортный картофель был польским или французским. Его клубни были одной формы и размеров – с куриное или утиное яйцо. Никаких впадин, никаких выступов, никаких «глазков» после картофелечистки у импортного картофеля не было. А вот когда шла наша картошка, отечественная, после двух-трех минут очистки в этой картошке находилась масса «глазков», каких-то неочищенных выступов и ложбинок. Все это нужно было обрабатывать вручную ножом.

Поэтому, когда мы получали на складе нашу картошку, сразу опускались руки. На очистку картофеля солдаты шли как на какую-то казнь. Задерживалась обработка картошки, повар ругался. И все это время те, кто чистил картошку, ругались матом – кого только не ругали! Между прочим, если бы не было этой импортной картошки, мы бы не знали, что может существовать картофель без изъянов, который очищается в картофелечистке за 2—3 минуты.

Самой противной работой на кухне было мытье посуды. Посуда эта – алюминиевые бачки на 8 литров для первого блюда на 12 человек, каждому едоку алюминиевая миска, кружка, ложка. Кружку и ложку курсанты и другие солдаты приносили и уносили сами, мыли их солдаты тоже сами. Хранили кружку и ложку курсанты в своих тумбочках.

Кухня готовит на 900 человек, и всю посуду – бачки и алюминиевые миски – приходилось мыть для каждой последующей смены едоков. Вот в зал заходит 300 человек, этим тремстам нужно выдать чистую посуду. Потом ее после еды собрать и мыть для следующих 300 человек, и так трижды. Для мытья и хранения посуды была специальная комната, так называемая посудомоечная. Для мытья посуды там стояли три обыкновенные ванны, какие ставятся в квартирах. Вначале в помойный бак из мисок и бачков выбрасывались остатки еды, затем пустая посуда складывалась в первую ванну. Ванна заполнялась не очень горячей водой, и в этой самой ванне происходило первое мытье посуды. После этого вымытая в первой ванне посуда перекладывалась во вторую ванну. Здесь вода должна быть уже горячей, еле терпимой для рук. И в первой, и во второй ванне различными мочалками вручную вымывалась посуда. Никаких моющих средств не применялось. Более того, было запрещено применять даже пищевую соду.

Из второй ванны посуду перекладывали в третью ванну. В ней посуда ошпаривалась кипящей водой и из ванны вытаскивалась практически сухой. Иногда после третьей ванны посуду смотрел врач, проводил пальцем по вымытой посуде. И, бывало, говорил, что посуда вымыта плохо, и все возвращалось назад.

Ранее я писал, что работа на кухне начиналась с того, что с продуктового склада приносили продукты. В мой второй наряд на кухню меня загрузили мешком с овсяной крупой. Два солдата подняли этот мешок и положили мне на спину, и я понес его на кухню. Я думал, что

это ерунда, а там было 80 кг. В одном месте нужно было переходить по мостку через достаточно глубокий кювет. Я решил, что попробую перелезть с мешком через кювет, не доходя до мостка – путь с мешком на спине в этом случае сокращался вдвое. Я с мешком спустился в кювет, и он меня там придавил, я еле-еле выбрался с ним. Проклиная себя за эту дурость, я поднялся на четвереньки и еле донес мешок до крыльца кухни. На крыльцо нужно было подняться на три ступеньки, этого сделать я уже не мог. Пришли другие курсанты и затащили мешок с крупой на кухню.

В этот же день я познакомился с солдатом последнего года службы, который сидел возле окошка – выдавал и принимал посуду. Он являлся старшим для всех солдат или курсантов, которые работали по нарядам в посудомоечном помещении. Оказалось, что он из Каменец-Подольского и жил там недалеко от учебного корпуса нашего техникума. Более того, он даже говорил, что ходил к нам в техникум на танцы. Я, конечно, по Каменец-Подольскому его совершенно не знал. Тем не менее, он очень обрадовался, встретив, можно сказать, соседа. Он сказал, что находится в штате дивизионной столовой как рабочий. Старшим для него является старший повар, так же солдат срочной службы. И повара, и он – все числились в штате дивизионной столовой. Начальник у них был заведующий столовой офицер, старший лейтенант. Этот солдат сказал мне:

– Будешь вместо меня выдавать и принимать посуду по списку. Посуду больше не мой. Там есть другие курсанты, пусть они ее моют. На склад за продуктами также не ходи, сразу приходи сюда, и мы с тобой лучше поговорим о чем-нибудь другом и подготовим к выдаче посуду. И картофель чистить также не ходи.

– А если кто-нибудь будет меня куда-то посылать?

– Никуда не ходи. Скажи, что ты выполняешь мои указания.

Я так и делал, поскольку у меня было 6 нарядов вне очереди. Да, ещё были очередные наряды на кухню. Получалось, что я до окончания этой школы из кухни вылезать не буду. Как только очередной наряд для нашей роты, то меня впахивают на эту кухню, но я там фактически не работал. Моя работа заключалась в том, чтобы выдавать и принимать посуду.

Работы на кухне, как я написал раньше, начинались с 4-х часов утра и заканчивались к моменту вечерней поверки. Притом я ходил на все занятия, т.е. работы на кухне проводились в свободное от занятий время. После того как меня под свое крыло взял старший по посудомойке, трудностей у меня не было никаких. Пожалуй, я даже отдыхал.

Работа на кухне имела также и преимущества. Она заключалась в том, что есть можно было столько, сколько хотели, и что хотели из имеющихся блюд.

Глава 15

В конце января 1955 года командование училища решило провести учение на тему «Пехотная рота в наступательном бою». Наша вторая рота первой должна была приступить к этому учению. Два взвода находятся в обороне, окапываются в горах в определенном месте, четыре взвода их штурмуют. Снегу выпало в том году очень много, в горах – тем более.

Старшина роты как опытный солдат перед началом учений нас инструктировал: «Мы вам выдаем одежду: ватные брюки, бушлаты, валенки, т.к. мороз больше 30 градусов. Готовьтесь к серьезным испытаниям – учения начинаются с лыжного похода на 15 км. В 10 часов вечера отправятся два взвода, которые будут в обороне. Они там окопаются и будут ждать наступления остальных взводов. Четыре других взвода выйдут из казармы в 0 часов, то есть в полночь. На мой взгляд, вам лучше всего было бы обуть сапоги, но командование почему-то решило обуть вас в валенки. Как только вы дойдете на лыжах до исходной позиции, вы оставите лыжи, окопаетесь в снегу, а потом по пояс в снегу пойдете в наступление на эту проклятую гору. Вы наберете полные валенки снега, который потом превратится в воду. Когда окончится „бой“, не бойтесь мороза – немедленно снимайте валенки с ног поочередно и выливайте из них воду. Надевайте шерстяные носки, если они у вас есть, у кого носков нет, надевайте свежие, сухие портянки. И сухие носки, и сухие портянки берите с собой из казармы. Из намоченных портянок выжмите воду и кладите их в вещмешок – в казарме просушите. Не дай бог, кто-либо забудет носки или портянки – будут обморожены ноги. Шапка-ушанка должна быть, как и положено по Уставу, с опущенными ушами, которые должны быть завязаны под подбородком. Если эти уши шапки не будут завязаны под подбородком, то от вашего дыхания они обмерзнут, покроются не просто инеем, а наледью, после чего их уже завязать будет невозможно, и щеки ваши могут быть обморожены».

Мой приятель Максимов дал мне шерстяные носки. Ему мама прислала 2 пары носков, он одни взял себе, вторые дал мне. И вот пошли мы на лыжах. Я впервые в жизни пошел в такой поход. В своей гражданской жизни у меня не было лыж, и я никогда не ходил на лыжах. В компании остальных курсантов я все же чувствовал себя нормально. У нас был курсант Бармин, призванный из города Кирова. Он был профессиональным лыжником, много ходил на лыжах и увлекался прыжками с трамплина (в городе Кирове имелся девятистометровый трамплин). Буквально через сто метров от казармы у него сломалась одна лыжа. Его бы следовало отправить назад в казарму, но это была бы сразу же «боевая потеря» одного солдата. Нам-то ничего, а командир взвода лейтенант Деревянкин опасался, что с него за это спросят. И Бармин с одной поломанной лыжей пошел с нами в «бой».

У нас был у каждого карабин и холостые к нему патроны: 5 патронов в магазине карабина и 2 обоймы по 5 патронов в подсумке.

Через 2 часа мы вышли на исходный рубеж. Дальше сняли лыжи, выставили их в снег вертикально. Окопались в снегу. Потом раздалась команда: «Вперед, в атаку!».

Мы выстрелили несколько раз, схватили карабины и пошли по глубокому снегу в атаку на обороняющихся. Снегу было по пояс. Два обороняющихся взвода окопались так же в снегу у подножия горы. Они начали стрелять. Мы одолели их численностью. Не передрались между собой, но разогрелись, разгорячились. Всей ротой пошли на наш исходный рубеж, где стояли наши лыжи.

Рота выстроилась для подведения итогов «боевой операции». Итоги учений перед строем огласил посредник – старший офицер из штаба училища. Его речь была очень короткой, не более двух минут. Потом все стали разуваться и выливать из валенок воду. Да, в валенках хлюпала вода. Я сделал ту операцию, о которой говорил наш старшина, Максимов также (мы

с ним рядом были). Вылили воду, обулись, на носки я навернул летние портянки – ноги оказались в сухом тепле.

Мокрые портянки я выжал и положил в вещмешок. Затем мы стали на лыжи и пошли. Почему-то пошли не по той дороге, по которой шли к горе, и заблудились. Блуждать по целинному снегу на лыжах очень тяжело. Постоянно меняются впереди идущие. Плюс к этому мороз более 30 градусов и ветер. Ветер с морозом – это плохо.

Проблуждали час, все устали. Стали обмерзать щеки у тех, у кого не была завязана ушанка под подбородком. С нами был врач, и курсанты с обмороженными щеками побежали к нему, он осматривал их, натирал спиртом щеки, давал хлебнуть чуть-чуть. Мой взвод – шестой, мы идем последними в колонне. И двое наших курсантов – Бузоверов и Буровой – начали отставать и жаловаться, что больше идти они не в состоянии – тяжело, очень устали. Бузоверов, кстати, спортсмен-лыжник, родом из Иркутской области, здоровый мальчик, хотя и худощавый. Совершенно непонятно, почему он выдохся. Буровой из Ленинграда, он блокадник, очень слабенький еврейский мальчик. Мы забрали у них оружие, лопатки и вещмешки – облегчили им нагрузку. Это не помогло. Они стали чуть ли ни при каждом шаге хватать снег, запихивать его в рот, как будто бы их мучает жажда, а, может, так и было. Они начали все больше отставать, а мы их подгоняем. Да, ещё и укоряем, что некоторые из нас несут их оружие, вещмешки и лопатки. – груз все же лишний для кого-то. Не помогает. Более того, они начали ложиться на снег, чтобы нам было ещё труднее их подгонять. Ложатся и говорят: «Дальше не пойдем». Им говорят и курсанты, и командир взвода: «Но вы же здесь насмерть замерзните». А они отвечают: «Ну и пусть».

Тогда командир взвода говорит двум курсантам: «Снимайте свои поясные ремни и, если эти негодяи будут ложиться на снег, поднимайте их, бейте их ремнями и подгоняйте. Не бейте только по лицу». Эти двое курсантов снимают свои ремни, начинают ругать, поднимать руками отстающих, как их назвал командир взвода, негодяев, и бьют их пряжками ремней по спине, по рукам, по заднице, чтобы они не ложились на снег. Толкают и заставляют идти на лыжах. Так продолжается минут тридцать. И вдруг кто-то из впереди идущих сказал: «Да вот же наши казармы, внизу, в распадке! Совсем недалеко, не более двух километров, притом все время вниз, и уклон не такой уж большой». Уже начало светать. Все приободрились, а Бузоверов вскочил на лыжи, обогнал всю роту и бегом направился прямо в столовую, поскольку мы уже опоздали даже на завтрак. Буровой, конечно, плелся сзади.

Так закончилось наше учение. Были обмороженные лица у двух десятков курсантов, а курсант Бармин, у которого одна лыжа балы поломана, вел себя нормально и дошел со всеми до столовой.

На следующую ночь на аналогичное учение должна была идти первая рота, но по итогам учения нашей роты (были всё же обмороженные) для первой роты учение отменили.

Глава 16

Все-таки мне пришлось однажды сходить в караул. Наш взвод был дежурный, и мы должны были быть в карауле – охранять имущество училища. У нас было три поста: два поста было внутри этого военного городка, а третий в километре от нашей войсковой части. Там стояла радиотехническая станция П-20 нашего училища. Туда мы приходили на занятие по изучению материальной части станции и работы на ней. Эта станция было совершенно секретная и охранялась нами круглосуточно. Внутри нашего городка было два поста, и охранялось нами там какое-то имущество. У артиллеристов была своя караульная служба. Более того, у них была целая отдельная караульная рота.

Я попал в караул зимой. Меня поставили на пост внутри нашего городка. Я запомнил, как это было. Была зима, мороз более тридцати градусов. В такой мороз часовому давался тулуп, который надевался поверх бушлата. И вот я стою с карабином на посту и думаю: «Никакой из меня ни часовой. Я чрезвычайно малоподвижное чучело. Если, не дай бог, кто-то решит напасть на такого часового – 100% успех. И ходишь в этом тулупе еле-еле, и стоишь, как столб, в руках карабин, руки в армейских перчатках. Стрелять в таких перчатках невозможно». А ведь нападения на часовых у артиллеристов были – с января по май на артиллерийские склады было два нападения.

Склады находились на окраине военного городка, и дорога из Магнитогорска была рядом. Когда мы заступали в караул, о нападениях на артиллерийские склады нам рассказывал начальник караула. Он инструктировал нас, как нам вести себя в случае нападения. Нападающие приезжали на легковом автомобиле, пытались перебраться через забор, но часовой был на месте. Как и положено, он окликнул: «Стоять! Кто идет?». В ответ прозвучал пистолетный выстрел. Часовой так же начал стрелять. Поднялась тревога в части. Нападавшие немедленно слезли с забора, кинулись к автомобилю и тотчас же уехали. У артиллеристов круглосуточно дежурила одна батарея, при этом круглосуточно стоял с работающим двигателем автомобиль МАЗ. Артиллеристы на этом автомобиле пытались догнать нападавших. Гнали за ними до Магнитогорска, но на улицах города легковушка оказалась более маневренной, чем МАЗ – нападавшие скрылись.

Как я ранее писал, нападений было два. Оба раза нападавших встречал часовой. Я не знаю, к месту это или не к месту, но оба раза часовые были нерусские – и по-русски ничего не понимали, и говорить не умели. Откуда были эти часовые, я не знаю – то ли с Кавказа, то ли из Средней Азии.

Когда выслушаешь такой инструктаж, а потом идешь на пост, то настроение не слишком радужное. Я думаю, что нападавшие на артиллерийские склады делали это напрасно – там нечего было взять бандитам, там не было стрелкового оружия, были только артиллерийские снаряды и запалы. Мы охраняли вообще не пригодное для криминала имущество. Тем не менее, неприятно стоять на посту, ожидая возможного нападения. Слава богу, я был в карауле один раз, а на кухне вполне безопасно.

Глава 17

Медсанчасть нашего училища располагалась в отдельном небольшом здании. В этом здании были помещения: приемная достаточно большой площади, способная вместить 30 человек; так называемый изолятор – комната с двумя постелями – и кабинет, где принимал врач. Кабинет был совмещен с процедурной. В санчасти работали врач и три санитары – солдаты из роты обслуживания. Это здание медсанчасти отапливалось дровами, там было две печки. Курсантов посылали в медсанчасть только для заготовки дров на неделю.

Однажды меня послали в медсанчасть – там нужно было нарубить дров. Нас было трое. Мы пришли и доложили врачу – старшему лейтенанту – и стали рубить дрова. У меня и у второго курсанта были топоры, третьему курсанту достался топор-колун. С помощью колуна мы разделяли напиленные из деревьев кругляши, примерно 80 см высоты. Эти кругляши, конечно, были с сучками, и обыкновенными топорами их разделить было невозможно. Вот тут-то и использовался колун.

Окончательная разделка полученных из кругляшей поленьев велась с помощью топоров. Поленья нужно было рубить поперек на две половинки, и колун для этой цели непригоден. Курсант, у которого был колун, остался без работы. Он решил все же помогать нам и стал ломать поленья с помощью колуна.

Мы говорили ему: «Брось, мы порубим сами, обойдемся без тебя». Поленья были достаточно толстые, и ломать их на две части колуном было трудно, да и опасно. Поломанные поленья разлетались в разные стороны и ломались не с первого удара колуном.

И вот этот курсант ударил полено колуном, однако полено не разломилось пополам, а колун отскочил, как от пружины, и ударил курсанта обухом в лоб. Мы посмеялись – с курсантом ничего не произошло очевидного, только на лбу у него была небольшая ссадина. Мы послали его в санчасть к врачу и сказали: «Там тебе обработают твою ссадину и, возможно, заклеят пластырем».

Он пошел туда, ему там намазали йодом и заклеили ссадину пластырем. Он сказал после этого, что врача в санчасти нет, а ранку ему обработали санитары. Мы порубили дрова. Работа в санчасти для нас была окончена, и мы ушли в казарму.

На следующий день этому курсанту, который был ранен в лоб, стало плохо – его затошнило. Мы его быстро отвели в санчасть, чтобы ему оказали помощь. Из санчасти врач отвез его в Магнитогорск в госпиталь. На следующий день он умер. Вот вам и шутки. Наш врач стал говорить: «Это было сотрясение мозга, вы, к сожалению, сразу ко мне не обратились. Я бы тот час же отвез его в госпиталь, а через сутки уже было поздно». Врач добавил, что у него образовалась гематома.

В эту зиму нас дважды повзводно водили в санчасть на прививки. Один раз говорили – против столбняка. Трудно сказать, от чего нас кололи, а мы не спрашивали. В кабинете врача двое санитаров и врач. Врач перед прививкой осматривает и спрашивает, есть ли какие жалобы. Обычно жалоб нет. Практически больше половины курсантов боялись прививок и самой процедуры укола. Другие над ними подсмеивались: «А тебе как уколут, и всё – помрешь потом».

Фамилия слишком мнительного курсанта была Иванов. Он был здоровый, сильный, но уколов боялся.

Заходить к врачу надо, уже снявши гимнастерку и нижнюю рубашку, т.е. до пояса голым. Прививку делают под лопатку. Вызывают по алфавиту. Заходит один, заходит второй, а все подзуживают этого Иванова: «Ой, ты знаешь как больно, ужас! Я чуть в обморок не упал». А этот Иванов смотрит в открытую дверь и оторваться не может. Санитар кричит: «Курсант Иванов». А тот вдруг сильно побледнел и упал в обморок. Мы кричим: «Иванов упал в обморок». Выходят из кабинета два санитары, дают ему что-то понюхать. Он очнулся, открыл глаза,

они его подняли и повели под руки в комнату, где делали прививки. Держат его на всякий случай за руки, а там врач посмотрел: «Все нормально, делайте укол». Помощник врача сделал Иванову укол. Иванов выходит оттуда, улыбается и говорит: «Брехуны вы все, мне не больно. Все хорошо». Общий смех: «А ты боялся».

Осенью 1954 года я решил поступить учиться в Челябинское военное училище штурманов авиации. Поскольку у меня был диплом с отличием, я поступал туда без приемных экзаменов, но мне нужно было пройти достаточно серьезную медицинскую комиссию. И вот эта комиссия меня забраковала. Причиной для этого послужила какая-то подкожная «шишка» над правым глазом. На комиссии мне сказали, что это подкожное образование мне нужно удалить и тогда прийти ещё раз.

Я обратился в свою участковую поликлинику к врачу хирургу. Эта была женщина лет 30—35. Она посмотрела на мою «шишку» и на следующий день назначила мне операцию в той же поликлинике. Я пришел, врач повела меня в операционную. Медсестра мне побрила бровь, обработала йодом место операции, уложили меня на операционный стол. Затем врач подошла ко мне и сказала: «Я опасюсь делать вам операцию. Вдруг это связано с глазом? Может быть, я неправильно диагностировала ваше подкожное образование. Если вы вдруг после операции ослепнете, меня посадят лет на 15—20. Сегодня я вам не буду делать операцию, а посоветуюсь с окулистом. Сегодня вторник, приходите ко мне в четверг – я вам либо откажу по совету окулиста, либо сделаю операцию». Я поднялся и ушел домой.

В четверг я пришел в поликлинику. Там мне сказали: «Ваш врач ушла в отпуск на месяц вчера». Я уже ничего не мог сделать, время поступления в училище закончилось. В начале октября меня призвали в армию, и «шишка» здесь не помешала. И вот я решил, что эту операцию можно сделать здесь, в военном госпитале Магнитогорска. Поговорил с начальником медсанчасти училища, он взялся сопровождать меня в госпиталь на прием.

Прибыли в госпиталь. Пошли со старшим лейтенантом к хирургу на прием. Тот посмотрел и сказал: «Возможно, здесь имеются какие-то сложности – то ли связано с глазом, то ли нет. Лучше всего вам обратиться к главному хирургу, профессору. Правда, он сегодня работает последний день, с завтрашнего дня он в отпуске. Заходите к нему быстрее».

Пришли в кабинет профессора. Там сидели профессор и с ним три или четыре врача. На столе графинчик со спиртом – выпивают, провожают профессора в отпуск. К профессору обращается старший лейтенант, а профессор полковник, но они все сидят в медицинских халатах.

– Товарищ полковник, вот курсант школы офицеров запаса.

– Ну-ка, солдат, подойди.

Я подошел, он осмотрел, ощупал мою «шишку» и сделал глубокомысленный вывод:

– Это мозговая грыжа.

Все присутствующие ахнули. Профессор сказал:

– Я приеду из отпуска и с удовольствием возьмусь за эту работу. Я вас прооперирую, солдат.

Мы вышли из кабинета профессора.

Старший лейтенант мне говорит: «Давай-ка мы обратимся к другим хирургам». Мы сходили на прием ещё к двум хирургам, они спрашивали старшего лейтенанта, обращались ли мы к профессору. Старший лейтенант говорил: «Обращались, профессор сказал, что это мозговая грыжа». Хирурги дружно отказались делать мне операцию, и мы уехали из госпиталя.

Глава 18

2 мая 1955 года – праздничный день. Наша рота идет в Магнитогорск в кино, до Магнитогорска 9 километров. Как положено в армии, идем 50 минут и 10 минут отдыха, затем снова 50 минут до цели. Посмотрели кино, идем назад. Курсанты идут и разговаривают в строю, делятся впечатлениями о кинофильме, который смотрели. Сошлись на том, что кино дрянь и зря только ходим туда-сюда по 9 километров. Настроение у курсантов плохое, а тут ещё и опоздали с выходом из Магнитогорска – пришлось ждать некоторых курсантов, которые где-то после кино ещё пытались бродить. Прошли километра 3—4. Старшина, который ведет нашу роту, говорит: «Отдыхать не будем – мы опаздываем, а я опаздывать не привык. И вы не берите себе привычку опаздывать». Тут все ещё больше заворчали. Идем в колонне по три – 120 человек (один взвод у нас оставался в наряде и в Магнитогорск не ходил). Проходим небольшую лужаечку, где мы всегда отдыхали 10 минут при любых походах в Магнитогорск и обратно. Старшина предупреждает ещё раз: «Идем в строю четко, никакого отдыха не будет». Все вообще упали духом и идут достаточно медленно. Курсанты устали: устали от плохого кинофильма, устали от ходьбы в Магнитогорск и от ходьбы обратно в часть.

Старшина видит, что всё равно мы опоздаем. Тогда он говорит: «Так, запевай вперед и песню давай». Я выхожу вперед, и старшина командует: «Запевай». Я начал петь обычную, достаточно популярную у нас песню: «По долинам и по взгорьям...». И, как только я запел, из нашего взвода курсант Агишев кричит: «...Шла коза, задравши хвост». Кто-то захихикал, у меня песня сорвалась. Старшина командует: «Давай другую песню». Я подумал, что все наши песни, которые мы пели, достаточно скучные, хотя и патриотичные.

Спрашиваю старшину:

– А можно «Американку»?

Старшина удивился:

– Какую ещё «Американку»?

Я отвечаю:

– Песню американских морских пехотинцев.

Старшина спрашивает:

– На русском языке?

– Конечно.

– Запевай.

Я запел – мотив достаточно веселый:

*«Шел солдат судьбе навстречу,
Сердце девичье заметил,
Положил в походный ранец
И унес с собой, засранец».*

Рота дружно подхватила две последние строчки, особенно напирая на слово «засранец». Понравилось, я запел второй куплет:

*«И теперь от боя к бою
Я ношу его с собою.
Для тебя – ха! – моя – ха! – родная – раз-два!
Эта песенка простая».*

Опять рота меня поддержала. Более того, при слове «раз-два!» ещё как бы строевым шагом притопнули с удовольствием.

Третий куплет с припевом второго куплета также прошел на ура. И оказалось, что все переменилось. Куда девалась усталость! И курсанты заговорили о женщинах в первую очередь; о том, что идти уже совсем недалеко и жить вообще можно; и кино, которое смотрели, не такое уж плохое, там есть что-то хорошее. Действительно, конец пути прошел в оживленных разговорах, которые старшина не запрещал. После того как нас пропустили на ККП, опять тот же Агишев кричит: «Давай опять «засранца». И старшина говорит: «Запевай». Команда есть команда – я опять запел эту песню, но предупредил: «Две последние строчки каждого куплета и припев вы уже знаете, пойте без меня». Рота дружно согласилась: «Давай». И я снова запел, курсанты дружно подхватывали, все пели весело и громко. И мы даже обратили на себя этим внимание артиллеристов, которые прогуливались по городку.

Пришли ко входу в казарму вовремя, не опоздали к назначенному часу. Остановились перед входом в казарму, старшина командует: «Курсант Стальгоров, выйти из строя». Я вышел. Старшина: «От лица службы объявляю вам благодарность». Я отвечаю: «Служу Советскому Союзу». Агишев опять вступает: «Товарищ старшина, у него 6 нарядов вне очереди. Он отработал меньше половины, снимите с него это взыскание вместо благодарности». Старшина: «Не имею права, взыскание накладывал замполит училища». Дальше старшина командует: «Рота, смирно, от лица службы объявляю благодарность всей роте». Все дружно ответили: «Служим Советскому Союзу».

Затем старшина скомандовал: «Разойдись!». В дальнейшем мы никогда не пели эту «Американку» – ни в Магнитогорске, ни в лагере в Троицке. В лагере в Троицке рота никогда ни в каких походах не была, а петь «Американку», когда мы шли в столовую и из столовой, необходимости не было. Идя куда-нибудь в составе взвода, мы также пели песни другие, «Американка» здесь также не требовалась. Я добровольно ее не запевал, и курсанты также не просили петь эту песню.

Глава 19

1 июня уезжаем в лагерь под городом Троицк Челябинской области. Едем эшелонам в товарных вагонах. В эшелоне имеется также несколько платформ, на которые погружена наша военная техника. Всем нам выдали фляжки, сказали заполнить их в дорогу водой или чаем, чтобы не выскакивали за водой на небольших станциях. Также нам выдали сухой паек на три дня.

Выгружаемся на разъезде, не доезжая до Троицка километров восемь. Жарко. Разъезд – это не станция, там был всего лишь один дом, хозяйственные постройки, колодец. Это все хозяйство обходчика, здесь он жил со своей семьей. Курсанты кинулись к колодцу за холодной водой и буквально через 30 минут вычерпали из него всю воду.

Хозяин рухнул на колени перед начальником нашей школы и говорит: «Товарищ майор, мы же погибнем здесь без воды! Здесь же степь, воды никакой нет! У меня здесь семья и хозяйство: куры, корова, свинья! Без воды мы погибнем!». Начальник школы немедленно выставил часового с оружием возле колодца, построил все училище и объявил: «К колодцу никто не подходит и воды не черпает несмотря ни на что, да и нет там сейчас воды. Хозяин будет ждать, пока там наберется. Часовой не будет пускать никого, вплоть до того, что я разрешаю применять оружие – дело идет о жизни и смерти семьи железнодорожника».

Мы пошли в лагерь, который был от разъезда в трех километрах.

Лагерь был старый, еще дореволюционный. Площадь всей территории лагеря около 2 км². Там имелись дом для штаба училища, столовая для курсантов и в здании штаба офицерская столовая. Было несколько учебных корпусов, две штурмовые полосы, землянка для опробования отравляющих веществ, спортивная площадка. Непосредственно курсанты располагались в палатках, для которых еще до Революции были выкопаны в земле гнезда, над которыми затем ставилась палатка. В каждой палатке размещался один взвод.

Наша вторая рота заняла 6 палаток, первая рота – следующие 6. Все 12 палаток выстроены в один ряд и представляют собой спальную зону лагеря. Вдоль них идет трехметровой ширины полоса для построения личного состава.

Здесь же за этой дорожкой в ряд стояли два длинных умывальника, каждый для своей роты.

Мы раскинули палатки, разместились в них, огляделись, доели свой сухой паек и запили его водой из фляги, если она там была. Легли спать. Утром проснулись под крик сержанта Щербакова «Подъем!». Началась жизнь в лагере, прибыли наши сержанты. Через неширокую дорогу почти рядом с нашей палаткой раскинул свою палатку командир роты старший лейтенант Панин.

Оказалось, что оборудованных нужников нет. Вокруг площадки лагеря были небольшие лесопосадки, где росло какое-то мелколесье. Мы на опушке такого мелколесья справили свою нужду. По принятому негласно регламенту мы делали пробежку только после этого. Мы сделали несколько пробежек, сделали утреннюю гимнастику. Пришли к палаткам, а умываться нечем – воды нет.

Умывальники стоят пустые – беда небольшая. Пошли на завтрак, роту повел старшина. Оказалось, что на завтрак только каша, и та пахнет не то бензином, не то керосином. Ни чая, ни компота – ничего нет. После завтрака выстроились, старшина говорит: «Воды нет – не только для питья, но и для умывания и для приготовления пищи. Мне сказали, что на обед будет опять же каша. Только каша, первого не будет. Компота или чая также не будет».

Оказалось, что наше училище не было подготовлено к такой ситуации, когда полностью отсутствует водоснабжение. Ближайшая вода находилась в городе Троицк – это около 8 километров от лагеря – и оттуда ее надо возить, а возить не в чем. Пошли на занятие в учебные

корпуса, фляжки пустые. После занятий строимся на обед, тут подходит наш командир роты старший лейтенант Панин и говорит: «Вы, наверное, знаете, что обед будет неполноценный. Так я добавлю, что ужин будет также неполноценный. Летчики нам выделили автомобиль для подвоза воды, но это бензовоз. Для того чтобы возить в нем воду, его цистерну нужно пропарить, чтобы в ней не было ни капли нефтепродуктов и даже их запахов. Обещали, что сегодня пропарка будет закончена. Значит, завтра должна быть вода – как для умывания, так и для приготовления пищи».

После обеда никто не лег спать, стали искать воду. Примерно в 3-х километрах от лагеря было озеро, очень мелкое. Говорят, что лет 30 назад там кто-то решил выкопать колодец, и оказался родник. Никакого колодца там нет, есть озеро диаметром метров в 200, очень мелкое, дно илистое. Воду нельзя не только пить, но и купаться там нельзя. Там постоянно в этой луже находится скот: коровы, овцы, свиньи. Я был на этом озере – это оказалась большая грязная лужа.

Курсанты из первой роты в лесопосадке нашли какую-то яму с водой, оттуда и взяли немного воды. Потом я с несколькими нашими курсантами в лесопосадке нашел другую яму с водой. Хотели набрать оттуда немного воды, но я увидел там дохлую крысу, и мы оттуда ушли. Оказалось, что эти ямы с водой – бывшие нужники, и курсанты первой роты – те, кто пил воду из бывшего нужника – заболели дизентерией.

На следующий день это обнаружил врач. Тотчас же первую роту взяли на карантин, окружили их палаточное жильё лентой, запретили нам с ними общаться. На второй день также не было воды с утра – оказалось, что пропарка цистерны произведена плохо. Снова завтрак без воды, одна каша. После занятий в обед снова каша, без первого и без компота. Почему-то никто из командования училища не сообщает нам, когда будет вода. Мы идем на обед в столовую, наши заготовщики сообщили, что на обед одна каша. По росту я стоял в первом ряду роты. Мы решили – обедать не пойдем, будем стоять у столовой, пока нам командование училища не скажет, когда будет полноценная еда.

Старшина говорит нам, что мы не имеем права не обедать. Хоть это и скудный обед, но нам нужно не терять сил. Недалеко от столовой штабной корпус, оттуда вышел замполит училища подполковник Романенко и говорит:

– Надо идти обедать. Вы на службе в Армии. Обед есть обед.

Кто-то из нас спрашивает:

– А когда будет вода?

– Вода будет к ужину. Ужин будет полноценный: будет чай, будет возможность набрать полные фляжки чая или воды. Неужели вы не в силах перетерпеть пока?

Мы говорим:

– Это уже второй день!

– Сегодня все закончится. Идите обедайте.

Мы пошли обедать. Наступает вечер и ужин. Конечно, никакого чая в этот раз не было, ни в какие фляжки никто и ничего не набрал, потому что воды не было. Мы решили – черт с ним, перетерпим. На завтрак, может быть, что-то будет. Оказалось, что на начало третьего дня воды не было, и завтрак был также без чая, без ничего. Это шел уже третий день практически без воды. Приходим обедать – опять нет воды. Опять нет первого, нет чая или компота. Всё обедать мы не идем! Стоим возле столовой, не слушаемся ни старшину, ни командира роты.

Командир роты жил не в городе, а здесь же в лагере, в отдельной палатке, т.е. он также жил без воды. И вот к нам подходит начальник училища. Начальником училища был летчик, майор Пивень. Видимо, и его обманули насчет воды. Он обращается к нам и говорит:

– Я вас прошу, идите, пообедайте. Вода будет на ужин.

Засмеялись почти все курсанты. Я говорю:

– Товарищ майор, нам вчера замполит подполковник Романенко уже обещал на вчерашний ужин, что будет чай и сможем набрать полные фляжки чая или воды. Как видите, воды нет даже сегодня.

Майор Пивень говорит:

– Я вам не болтун-замполит, я начальник училища. Если я сказал, что на ужин будет чай, то он будет. Я ещё добавлю, что воды во фляжки вы не наберете, ее просто не будет. С утра в умывальниках у вас будет вода, и больше вы без воды страдать не будете.

Нам особенно понравилось, что он обозвал своего замполита болтуном, и мы пошли есть кашу на обед. Действительно, ужин был полноценный – начальник училища свое слово сдержал. Лишнего чая или воды не было. Утром четвертого дня мы после физзарядки обнаружили, что в умывальниках воды полно, и в дальнейшем еда была полноценной. Воды во фляжки можно было набрать.

Глава 20 – Максимов

Мы приехали в лагерь вместе со своими командирами отделений – сержантом Щербаковым и младшим сержантом Максимовым.

Повседневная жизнь в лагере строилась по общевойсковому порядку, хотя больше половины учебных занятий были по специальности. Наши командиры были разные по характеру и по внешности. Щербаков был спокойным, непридиричивым к мелочам командиром. Ранее он проходил службу в какой-то общевойсковой части. Он рассказывал, что его войсковая часть участвовала в учениях с применением атомного оружия в Тоцких лагерях. Щербаков детально описывал проходившие учения: как они готовились к взрыву атомной бомбы, как была взорвана атомная бомба и как они потом проходили боевым порядком и ехали на автомашинах и танках через эпицентр взрыва. После прохождения через зону поражения они проходили через дезактивацию. Эта дезактивация выражалась в том, что они долго мылись под душем, меняли одежду и проходили несколько раз через измерения радиации – на обмундировании, на теле, на автомобиле и на другой технике. Техника также проходила дезактивацию. Щербаков рассказывал, что у них были жертвы – пострадали солдаты, у которых не было клапанов в противогазах. Это обычная история с солдатами-разгильдяями, в данном случае это кончилось плохо. Щербаков рассказывал, что в течение трех месяцев практически все эти солдаты умерли от радиационной болезни. Примерно через неделю пребывания в лагере Щербаков исчез куда-то – видимо, все же на нем также сказались результаты Тоцких учений.

Максимов был мелочный, придиричивый – можно сказать, нудный. Мы его не уважали. Он был попросту глупый, тщеславный человек. Он не был специалистом войск ПВО – он не был ни радистом, ни оператором РЛС, ни каким-либо иным специалистом.

И вот этот Максимов стал помощником командира взвода и один командует двумя отделениями. У меня с Максимовым было два конфликтных случая.

Первый. По режиму дня сразу после подъема у нас должна была быть физзарядка, которой взвод занимался метров за триста от палаток. По сложившемуся ещё в Магнитогорске обычаю перед физзарядкой взвод в определенном месте справлял свои естественные надобности – малую нужду. До этой процедуры сразу после подъема мы шли пешком от своих спальных мест до определенного места, где и справляли свою малую нужду. Только после этого взвод строился снова, и начиналась пробежка перед физическими упражнениями.

Объяснялось это тем, что с полными мочевыми пузырями бегать тяжело. Кроме того, сразу после сна все же некоторое время пройтись пешком было, на мой взгляд, более рационально. Мы поступали так в Магнитогорске и по приезде в лагерь.

И вот Максимов почему-то решил этот порядок поломать. Как только взвод после подъема построился рядом с палаткой, он отдал приказ: «Бегом марш!». Курсанты начали возражать, бежать никто не хотел. Взвод был построен в колонну по три. Я шел в составе тройки в первом ряду. Конечно, мы не побежали. Шедшие за нами солдаты также не бежали и, пока мы дошли до места, где справляли нужду, никакого бега не было. Но и после Максимов не разрешил останавливаться и продолжал командовать: «Бегом!». Потом приказал тройке направляющих встать в конце строя – направляющими стали следующие три человека.

Следующие три человека потихоньку побежали трусцой, а мы за ними.

Физзарядка прошла также плохо. После мы пошли умываться и завтракать, после завтрака занятия по радиотехнике и другим специальным предметам, после занятий обед, после обеда должен был быть у нас час отдыха. Этот час все спали в палатках. Если кто-то не спал, все равно он лежал там. И вот вместо отдыха нас троих направляющих, которые первыми не выполняли команду Максимова: «Бегом марш!», Максимов повел на штурмовую полосу. То есть вместо отдыха он решил погонять нас троих по штурмовой полосе. Мы начали роптать, что это

незаконно, что Максимов нарушает «Устав внутренней службы». Тем не менее, он загнал нас в окоп (это исходное положение при прохождении штурмовой полосы) и дальше командует. Поскольку я был ростом выше остальных, то я должен бежать на штурмовую полосу первым. И он мне командует: «Курсант Стальгоров, вперед марш!». Я не двинулся с места.

После третьего выкрика Максимов командует следующему курсанту – результат такой же. Третий курсант был Кашкаров. Максимов командует: «Курсант Кашкаров, вперед марш!». Кашкаров вскакивает, правда, лениво, перелезает через бруствер, трусцой бежит к первому препятствию, преодолевает его – опять же очень медленно. Ни о каком нормативном времени и речи не идет, тем не менее, Максимов удовлетворен и приказывает: «Курсант Кашкаров, вернитесь назад». Кашкаров уже бегом бежит в окоп. Максимов выводит всех троих из окопа, идем к палаткам.

Двух курсантов Максимов отправил в палатку, а мне приказал одеваться по всей форме и выходить на площадку перед палаткой. Я должен был помимо одежды взять лопатку, подсумок и карабин, а шинель, свернутую в скатку, надеть через плечо. Я выполнил его команду, и вот он командует мне, чтобы я стоял возле палатки во всей этой амуниции по стойке смирно. Я стал с ним пререкаться и сказал, что по стойке смирно стоять не буду. И тут раздается голос командира роты – он отдыхал в своей палатке:

– Курсант Стальгоров, ко мне!

Максимов остался стоять там, а я побежал к палатке командира роты. Его палатка, как я уже писал, была через проезжую дорогу рядом с нашей палаткой. Я подбежал и доложил:

– Товарищ старший лейтенант, курсант Стальгоров по вашему приказанию прибыл.

Командир роты был в палатке и сказал мне:

– Заходи в палатку.

Я зашел. Он мне говорит:

– Ты чего связался с дураком? Неужели тебе не понятно, что он обыкновенный дурак? Но он тебе может доставить неприятности. Вот он упрется и напишет на тебя бумагу в особый отдел училища – ну, что ты систематически не выполняешь его приказания – и наврет ещё чего-нибудь там. Тебя скорее всего не отправят в дисциплинарный батальон, но отчислят из училища опять в твою войсковую часть. Зачем тебе это надо?

Я ответил:

– Конечно, я понимаю, что за человек Максимов. Но что мне делать? Не я же к нему привязался, а он ко мне.

– И все же ты с ним не связывайся.

И послал меня выполнить какую-то работу. Сейчас я уже не помню, что это была за работа.

– Пойди, доложи Максиму, что командир роты посылает тебя туда. Сними всю амуницию, перед Максимовым извинись и иди, куда я тебе приказал.

Я ответил:

– Слушаюсь, товарищ старший лейтенант.

Я вышел из палатки и проделал все то, что мне сказал командир роты.

Второй случай. Это было в субботу. По субботам нам каждую неделю показывали кинофильм, который шел в открытом кинотеатре. Т.е. возле штаба были устроены скамейки, на которых могло сидеть 300 человек нашего училища. Перед скамейками висел экран, и с началом темноты нам показывали какой-либо фильм, идти на сеанс нужно было обязательно. И вот в эту субботу должны были показывать кинофильм «Свинарка и пастух» – очень хороший кинофильм, я его смотрел не менее 10 раз, ещё до армии. Я идти не захотел. Опять же говорю Максиму:

– Я этот кинофильм видел сто раз. Можно я не пойду?

– Идти обязаны все курсанты.

Я не стал с ним пререкаться, уже стемнело. Все надели шинели, построились и, когда пошли, я потихоньку смылся в палатку. После окончания кинофильма взвод остановился против входа в палатку, я быстренько вышел и также встал в строй на свое место. Максимов опять:

– Курсант Стальгоров, выйти из строя!

Я вышел.

– Почему вы не ходили смотреть фильм?

– Я ходил. Хотите, я вам расскажу с начала до конца. Могу с конца и до начала рассказать.

С любого эпизода все расскажу.

– Мне это не нужно. Я вас спрашиваю ещё раз, почему вы не ходили?

– Я ходил.

Все курсанты почему-то засмеялись. Я подумал: «Что-то здесь не то». Максимов говорит:

– Посмотрите внимательно на курсантов.

Я присмотрелся. Мои товарищи продолжали смеяться. Оказалось, что у всех шинели мокрые, а у меня сухая. Это значит, во время сеанса пошел небольшой дождик. Меня под этим дождиком не было, конечно. Я сказал Максиму:

– Товарищ младший сержант, извиняюсь, я, конечно, не ходил.

Время было пора ложиться спать. Максимов объявил отбой, а меня оставил стоять на площадке перед палаткой. Он стал мне опять что-то такое говорить, командовать, а я стал с ним пререкаться. Со стороны первой роты к нам подошел заместитель командира училища по учебно-строевой части, подполковник. Он подошел к нам и сказал:

– Время отбоя, а вы тут пререкаетесь.

И сказал это, конечно, не Максиму, а мне:

– Объявляю вам трое суток строго ареста.

Он говорит Максиму:

– Товарищ младший сержант, вызовете сейчас же дежурный наряд и отведите курсанта Стальгорова на гауптвахту.

Максимов:

– Слушаюсь, товарищ подполковник.

И меня отвели на гауптвахту. Это была отдельно стоящая палатка, рядом с которой стоял часовой. Караул был полностью из роты обслуживания, курсанты ходили только дневальными. Максимов сдал своим сослуживцам меня и сказал: «Курсанту Стальгорову объявлено подполковником трое суток строго ареста». Начальник караула записал в журнал время моего поступления и «трое суток строго ареста», а также забрал мой поясной ремень. Один из караульных отвел меня в палатку, в которой оказался солдат из роты обслуживания, очень обрадовавшийся мне. Он сказал, что ему одному скучно, спросил:

– Сколько тебе дали?

– Трое суток строгого.

– А мне 10 строгого, и отсидел я только двое суток. Мало тебе дали. А, может, потом подсадят ещё кого-либо.

– Мне и трое суток хватит. Тем более, что строгий арест это значит, что давать горячую пищу будут через день. Причем Максимов – он сволочь, он уговорит твоих сослуживцев, чтобы записали, что в первый день меня покормили, хотя кормить не будут. Придет вторая смена, посмотрит в журнал, что меня кормили, и опять меня кормить не будут. И так все три дня я просижу голодный.

Солдат знал хорошо Максимова и с моей характеристикой, что Максимов порядочная сволочь, согласился:

– Да, он мерзавец. Он способен на такие дела и караульные тоже. Насчет еды ты не беспокойся – у меня здесь любовница, она официантка в офицерской столовой. Она нам с тобой принесет столько, что нам и не снилось, и все будет самое наилучшее. Борщ она носить не будет,

она принесет полный бачок гуляша. Ты не волнуйся, те двое суток, что я отсидел, она мне приносила регулярно.

– Но ее не пропустит караульный.

– Он из нашей же роты, пусть попробует не пропустить.

Я спросил:

– А за что тебе дали 10 суток?

Солдат отвечает:

– Я очень рад, что мне дали 10 суток строго ареста. Меня могли бы и в тюрьму посадить. Я целую неделю был в самоволке в Троицке. А ты знаешь, что за самоволку свыше трех суток три года тюрьмы?

– Это я знаю.

– Вот я лучше 10 суток здесь отсижу с удовольствием, чем пробыть все время в дисциплинарном батальоне.

Утром нам на завтрак дали чай и кусок хлеба, однако после завтрака официантка офицерской столовой принесла нам роскошный завтрак. Она уже знала откуда-то, что нас двое. Пока я ел, они с моим коллегой в противоположном углу занимались сексом. Обед она нам также принесла вовремя – такой же шикарный был обед. Перед самым обедом к нашей палатке подошел капитан – начальник клуба училища – и говорит мне:

– Ты чего тут сидишь? Ты знаешь, что после обеда приезжают летчики? У нас ведь соревнования по волейболу, а ты член сборной училища, притом атакующий, а ты забрался на гауптвахту. Выходи!

– Меня караульный не выпустит.

Караульный подтверждает:

– Ему трое суток строго ареста сидеть.

Капитан пошел к начальнику караула. Тот ему, по-видимому, сказал, что меня посадил подполковник – заместитель начальника училища, и выпустить меня он никак не может. Тут подошел обед, мы пообедали. После обеда опять приходит капитан вместе с начальником караула, и мне говорят:

– Выходи.

Мой сокамерник говорит:

– Не ходи, тебя посадил подполковник, а тут пришел капитан, потом мне скучно будет без тебя.

Оказывается, капитан смотался в Троицк и получил от подполковника, который меня посадил, письменное приказание об отмене курсанту Стальгорову наказания «трое суток строго ареста». Начальник караула показывает мне эту бумагу и говорит:

– Вот видишь, подполковник, который посадил тебя, теперь выпускает, мотай отсюда!

Под протесты моего сокамерника я с ним распрощался и пошел на спортплощадку. Так я и не посидел как следует на гауптвахте. Больше за всю службу в Армии я на гауптвахту не попадал.

В следующий понедельник командир роты назначил меня командиром второго отделения нашего взвода. Я стал коллегой теперь уже Максимова. Ещё через несколько дней меня и Максимова назначили командирами взводов студентов, которые прибыли в наш лагерь на военно-учебные сборы. Мне дали один взвод, Максимову другой. Это были студенты Свердловского политехнического института. Я не был освобождён от занятий в учебных корпусах, но и студенты занимались также изучением необходимых предметов.

Студенты являются особым контингентом – военнослужащие только на небольшой срок пребывания (три недели). Я с ними занимался общевоинской подготовкой: подъем, физзарядка, строем шли в столовую и обратно. Для меня это было совсем необременительно. И сту-

денты были мной довольны, и я ими был доволен. Я научил их петь «Американку», а они научили меня петь песню, под которую также с удовольствием ходили – «Тетя Шура».

Во время подъема они дружно вставали, потом шли на физзарядку. Они делали физзарядку, но попросили меня, чтобы я разрешил им не делать солдатский комплекс, а разрешил те упражнения, которые они привыкли делать дома. И они делали каждый в отдельности то, что им было необходимо.

А максимовский взвод студентов жаловался все время на Максимова – на физзарядке он принуждает выполнять солдатский комплекс, а не то, что они делали дома, из-за чего они завидовали моему взводу, и под конец пребывания сказали, что в последний день они Максимова побьют за все его мелочные придирки. Мне, конечно, хотелось, чтобы они его побили, но я решил, что это будет нехорошо. Я сказал об этом нашему командиру роты, тот передал это командиру роты обслуживания, и Максимова в последний день со студентами не было в лагере. Студенты взвода Максимова чрезвычайно сожалели, что его нет, они его даже искали по всей территории лагеря, но не нашли.

Глава 21

Однажды нам объявили, что на следующий день у нас будет практическое занятие по ознакомлению с отравляющим газом под названием хлорпикрин, чтобы мы тщательно подготовили противогазы. Это практическое занятие началось с того, что весь взвод зашел в землянку; офицер-инструктор, сидя за столом, показал литровую бутылку и сказал, что она наполнена хлорпикрином и что мы будем тренироваться в защите от газа. Но ещё раз предупредил: «Проверьте ещё раз состояние ваших противогазов. У кого, не дай бог, отсутствует клапан, немедленно об этом заявите и в занятиях участвовать не будете». Никто и ничего не заявил. После этого инструктор сказал: «Остается первое отделение взвода, второе должно выйти и подождать своей очереди снаружи».

Курсанты второго отделения вышли из землянки, и инструктор велел закрыть за ними дверь. Далее он командует «Газы!», по этой команде мы и инструктор надели противогазы. Он посмотрел на секундомер – все 12 человек уложились в норматив. Похвалил, добавил: «Посмотрите, может быть где-то что-то не так. Тщательно осмотрите, вдруг какая складка. Шутки кончились. У меня в бутылке настоящий газ. Ещё раз спрашиваю, у кого-то может быть нет клапанов в противогазе? Поднимите руку, у кого их нет». Никто руки не поднял. Инструктор: «Хорошо, я открываю бутылку».

Открывает бутылку, оттуда начал выходить белый газ. Инструктор поясняет: «Это хлорпикрин». Я вспомнил сказку о Джинне из бутылки. Действительно, оттуда выходит что-то необычное. Буквально через минуту два курсанта кинулись к двери с криком: «Откройте!» – у них все же не было клапанов в противогазах. А дверь почему-то не открывалась, хотя должна была открыться от их толчка. Оказывается, курсанты, находящиеся снаружи, подперли эту дверь колом. Видимо, они знали, что у кого-то нет клапанов. Эти двое начали орать благим матом и кашлять. Тогда дверь открылась, и они выскочили, а кто-то из наших закрыл за ними дверь, чтобы газ не выходил. Оказывается, там наверху подошел командир взвода лейтенант Деревянкин, наорал на курсантов и бросился открывать дверь, когда услышал крики.

В землянке мы по команде инструктора начали делать практические упражнения. Инструктор говорит: «Пробит шланг, который соединяет фильтр и маску, необходимо задержать дыхание, отвинтить трубку от маски и фильтра и фильтр привернуть к маске. После этого энергично выдохнуть и начать дышать через фильтр». Были и другие упражнения.

Под конец инструктор сказал: «А теперь мне хотелось бы, чтобы каждый из вас немножко вдохнул этого газа. Для этого снимите маску не полностью, вдохните слегка ртом, потом тотчас же выдохните и быстро наденьте маску. Свои ощущения расскажете мне потом».

Я проделал то, что сказал инструктор – приподнял слегка маску и вдохнул немножко, выдохнул и надел маску. Ужас! Как только я слегка вдохнул, у меня сразу же стала разрываться грудь – как будто бы внутри разорвались легкие. Это было последнее упражнение, и практические занятия закончились. Вслед за нами зашло второе отделение. Я был уверен, что там не было ни одного курсанта, у которого бы отсутствовал в противогазе клапан – они наглядно видели, что случилось с двумя курсантами нашего отделения.

Глава 22

Одним из атрибутов военного лагеря являются линейки. Это две такие полосы с гравийным покрытием, находящиеся с фасада лагеря. Одна полоса шириной примерно 3 метра, а следующая за ней через один метр – шестиметровой ширины. Обе полосы длиной метров двести. Одна линейка, которая поуже, называется офицерской. На ней должны выстраиваться курсанты и офицеры училища для каких-то мероприятий, которые проводит начальник училища или его заместитель. Широкая линейка называется генеральской. На этой линейке выстраивается личный состав училища только тогда, когда смотр проводит генерал.

У нас офицерская линейка была чистенькая, ни одной травинки на ней не росло, а генеральская линейка заросла.

Однажды, когда наш взвод был в наряде, а я исполнял обязанности помощника командира взвода, на пост дневального, где находился в это время я, пришел заместитель командира училища по учебно-строевой части, подполковник. Он сказал мне: «К нам в училище сегодня должен прибыть командующий Уральской армией ПВО генерал-лейтенант Шафранов. Вообще он к нам не собирался – он посещает истребительную авиадивизию в Троицке, но может подъехать и к нам, тем более что на территории нашего лагеря находится запасной аэродром для самолетов этой дивизии. Ожидаются учения с перебазированием истребителей на запасной аэродром, т.е. на территорию нашего лагеря. Если генерал Шафранов к нам прибудет, придется его встречать и выстраивать все училище, а генеральская линейка заросла травой. Траву необходимо выполоть, а линейку подмести и слегка увлажнить».

Подполковник спросил меня:

– У тебя есть свободные курсанты?

Я ответил:

– Есть – три человека.

– Вызывай их сюда. Я думаю, что они управятся с этой работой.

Я поручил дневальному, он вызвал свободных курсантов, и подполковник сказал:

– Вот что, курсанты, вам поручается привести в порядок генеральскую линейку. Даю на это полтора часа, я думаю, вы управитесь – здесь не так уж много работы. Ваш помкомвзвода знает, что надо делать.

Я ответил:

– Товарищ подполковник, я все детально разъясню этой тройке.

Подполковник ушел, я объяснил этим трем курсантам, что нужно делать. Самой большой работой было выполоть траву с этой генеральской линейки. Я подумал, что ускорю выполнение этой работы, если разделю линейку на три участка и поручу каждому курсанту выполоть только свой участок линейки, после чего он может быть свободен. Один из этих трех курсантов был курсант Буровой – бывший блокадник, достаточно слабый физически. Через час двое курсантов выполнили задание и ушли, а Буровой не сделал и половины своего задания.

Подходит подполковник и видит, что работа на генеральской линейке не закончена. Правда, оставалось ещё 15 минут до назначенного им срока, но на линейке работал один Буровой. Тогда подполковник спрашивает меня:

– А почему работает один курсант? Ведь их было трое.

Я объяснил подполковнику, как я распорядился работой.

Он мне сказал:

– Ты поступил неправильно.

А дальше повысил голос и спрашивает:

– Где эти разгильдяи? Немедленно вызывай их сюда!

Это он обратился уже не ко мне, а к стоящему рядом дневальному. Дневальный вызвал этих курсантов, они встали перед подполковником. Он их стал ругать:

– Почему вы бросили работу?

Курсанты сослались на меня. Подполковник приказал им:

– Немедленно беритесь за работу, я приду теперь уже через десять минут. Если линейка не будет очищена, вы двое будете наказаны, а третий как работал, так и работает, он молодец.

Подполковник ушел, а эти двое принялись ругать Бурового, но энергично взялись за прополку травы. Через десять минут, как и обещал, пришел подполковник, проверил – линейка была очищена от травы, побрызгана водой и подметена. Я выполнял эту работу тоже, и даже дневальный, стоящий на посту, помогал нам. Я доложил подполковнику, что работа по приведению в порядок генеральской линейки выполнена.

Подполковник спросил меня:

– Ты понял, в чем была твоя ошибка?

Я ответил:

– Так точно, товарищ подполковник, виноват. Я поступил при распределении работы между курсантами неправильно. При разделении общей работы на каждого индивидуально могло оказаться – и в данном случае так и было – что вся работа была не выполнена к сроку, а это недопустимо.

– Ты понял правильно. Помимо твоих рассуждений, я ещё добавлю, что в армии существует коллективная ответственность за порученное дело. Понятно?

– Так точно.

Генерал к нам так и не заехал, хотя учения были, и он был в Троицке. Надо сказать, что по каким-то причинам мы никогда не пользовались и офицерской линейкой тоже.

Истребители садились на территории нашего лагеря на запасном аэродроме. Перед этим аэродромная команда расстелила металлические листы на грунтовую площадку, на которую впоследствии садились самолеты. Самолеты были МиГ-15, небольшие истребители. Мы ходили смотреть на эти самолеты и разговаривали с лётчиками. К моему удивлению, на этих МиГах были английские двигатели «Роллс-Ройс». Я не понял ситуации: ведь в то время наше командование позиционировало Англию как вероятного противника, и вот, оказывается, СССР покупает у потенциального противника двигатели на свои боевые самолеты. Но так было.

Глава 23

1 сентября 1955 года закончилось наше пребывание в лагере под Троицком. Всех курсантов отправили для прохождения практики в те войсковые части, откуда они прибыли в училище. Я уехал в свой родной 36-й отдельный радиотехнический батальон, в город Киров. Командование батальона направило меня на практику в село Игошино. Это в Кировской же области, не помню, в каком районе, глухое село в лесу. Село было небольшое, жили там старoverы. В нем размещалась наша так называемая радиотехническая точка. Там была очень старая радиолокационная станция П-3, которую мы в училище даже не изучали.

Солдаты точки в село не ходили – побаивались старoverов. Я проболтался там две недели, и меня отправили опять в училище для сдачи выпускных экзаменов. Оказалось, что училище теперь базируется в городе Алапаевске Свердловской области. Еще выяснилось, что Президиум Верховного Совета СССР снизил срок службы в войсках ПВО до 3-х лет, т.е. вернулись к тому, что было до 1954 года.

Училище подлежало ликвидации – по-видимому, для войск ПВО страны необходимости в таких училищах не стало. Да, пожалуй, не стало стимула для солдат идти в такие училища. Правда, это только для тех, кто не хотел служить в Армии офицером. Я был одним из таких. Среди курсантов стали вестись разговоры: «Зачем нам экзамены? Все это отменилось министром обороны». Разместили нас не в казарме, а в клубе какой-то войсковой части. Спали мы там вповалку на своих набитых соломой матрасах. Стало очевидно, что следующего набора не будет – училище ликвидируется, дисциплина рухнула.

Командир училища построил личный состав и объявил, что, действительно, училище ликвидируется. Срок службы в войсках ПВО стал опять три года, но министр обороны обязал все такие училища – а их несколько по стране – выпустить младших командиров. То есть все курсанты должны сдать экзамены. И если они сдадут их на «хорошо» и «отлично», то, как им было ранее обещано, им будет присвоено звание младшего лейтенанта после года практики. И он лично попросил всех курсантов отнестись к его просьбе серьезно.

Надо сказать, что все курсанты уважали начальника училища майора Пивеня – бывшего летчика, героя Советского Союза с орденами и медалями. Тем не менее, настроение у всех упало, хотя майору Пивеню верили. Поверили и теперь, стали готовиться к экзаменам.

Алапаевск для нашего училища оказался плохим местом. Из расположения части можно было совершенно свободно выйти в любое время дня и ночи. Наше училище находилось в пригороде Алапаевска, поселок назывался какой-то Рудник. Там работало много женщин, и большей частью населения этого поселка были женщины. И вот наши курсанты кинулись к женщинам. Через неделю начальник училища построил личный состав и сказал: «Ребята, вы что, совсем озверели? Я понимаю, что у нас не тюрьма и ограды практически нет: такой просто заборчик, через который пройти к женским общежитиям – раз плюнуть, не обязательно через КПП переться, где, конечно, не пропустят. Различных лазеек сколько угодно, а результат?». И говорит врачу: «Давай, выступай!».

Врач обращается к курсантам: «За неделю вашего пребывания тут 3 человека заразились сифилисом, 15 человек – гонореей». Начальник училища продолжил: «Мой приказ такой: прекратить хождение в поселок к женщинам; взвод, который находится в наряде, во главе с командиром этого взвода будет вылавливать самовольщиков; в увольнение ходить никто не будет, переживете месяц без женщин – больше терпели; я буду сажать самовольщиков на гауптвахту самым безжалостным образом; даже если половина школы сядет на гауптвахту, это всё равно лучше, чем они заразятся триппером».

И вот мой взвод идет в наряд в караул. Командир взвода – начальник караула, я помощник начальника караула и разводящий заодно по всем постам. Мы охраняем периметр вой-

сковой части и два каких-то склада, находящихся за пределами части совсем недалеко – буквально перейти через автодорогу. Что находится в этих складах, мы не знаем. Но там пост, там должен быть часовой. Охраняемые нами склады находятся за сплошным дощатым забором, расположенным прямо возле автодороги. В заборе имеются ворота и калитка, ворота закрыты на замок, а на калитке только щеколда.

И вот в 12 часов ночи я иду как разводящий с тремя курсантами. Два курсанта – это сменившиеся часовые с предыдущих постов, третий должен сменить часового на складах. Мы пересекаем автодорогу, я открываю калитку, захожу вместе с курсантами на территорию складов. Темно – на территории складов наружного освещения не было. Сразу же должен прозвучать окрик стоящего на посту часового «Стоять! Кто идет?». Идем – никакого окрика. Я слегка забеспокоился. Идем дальше и подходим к воротам склада – часового нет. Я переполошился: «Куда девался часовой?». Стал кричать: «Часовой, часовой!». Молчание. Смотрю – возле забора на земле что-то шевелится. Я кинулся туда и вижу, что это часовой с какой-то женщиной занимаются сексом. Часовой – а это был Бузуверов, здоровый такой парень, сибиряк – встает и говорит: «Я здесь!». А карабин его прислонен к забору. Я хотел забрать этот карабин и каким-то образом наказать Бузуверова за утрату оружия, а потом подумал: «Да черт с ним! Он жив и здоров – это главное».

Молодая женщина встает, надевает трусики и говорит, как бы спрашивая: «Я пойду?». Я ее спрашиваю:

– Что ты здесь делаешь?

Она отвечает:

– Жду автобус.

– Какой автобус?

Она называет номер маршрута.

Я к Бузуверову:

– Как она сюда попала?

Тот отвечает:

– Вот здесь дырка в заборе.

Подходит к забору и поворачивает одну широкую доску почти на 90 градусов. Пройти на автодорогу вполне можно через эту дырку.

Девушка тотчас же улизнула туда. Действительно, буквально рядом стоянка автобуса. Я к Бузуверову:

– Ну, расскажи, как дело было.

– Я обошел оба склада, пришел сюда уже ко времени, когда вы должны были подойти, чтобы сменить меня. Однако вас не было, тогда я открыл эту дырку и выглянул на дорогу, а там стоит эта девушка. Я ее спросил, что она здесь делает. Она ответила, что ждет автобус. А ведь уже полночь. Я ее пригласил сюда, и она пришла.

Я ответил:

– Понятно, сдавай пост.

Курсанты смеются над Бузуверовым. Я поменял часового, и мы ушли в караульное помещение. Я напомнил Бузуверову, что говорил наш начальник медсанчасти насчет венерических заболеваний, Бузуверов молчал. Через день эта история имела продолжение. Во время послеобеденного отдыха, когда мы лежали на наших матрасах на полу (постель Бузуверова была рядом с моей), он ко мне тихонько обращается:

– У меня на члене какая-то болячка.

– Ты к врачу обращался?

– Нет.

Тогда я встал и говорю Бузуверову:

– Иди в санчасть немедленно.

– Да мне стыдно.

– А под забором заниматься со случайной женщиной, возможно, больной, тебе было не стыдно?

Он, конечно, молчит. Тогда я поднимаю двух курсантов и говорю им:

– Отведите его в санчасть немедленно. Будет сопротивляться – ведите силой. Мало ли, что у него – может, сифилис, и мы от него прихватим также, при соприкосновении.

Они повели его. Примерно через 20 минут возвращается Бузоверов, широко улыбаясь, и говорит:

– Там чирей, сказал врач.

Я говорю:

– Ну и слава богу.

Несмотря на приказ начальника училища не ходить к местным женщинам, несмотря на опасения заразиться венерическими болезнями, курсанты все же самовольно ходили.

Глава 24

Как-то, когда наш взвод снова был в наряде, я был помощником начальника караула. Начальником караула был наш командир взвода лейтенант Деревянкин. Пришел к нам в караульное помещение дежурный по части, капитан. Он был из той войсковой части, на территории которой находилось в данный момент наше училище. И вот этот капитан говорит: «К нашему командиру обратился начальник милиции города Алапаевска с просьбой помочь им в операции по поимке вооруженного дезертира. Командир сказал, что пусть туда идет караульный взвод, вернее, свободные от несения караульной службы курсанты с офицером».

Для нас это было совершенно неожиданно, и лейтенант Деревянкин пытался было протестовать, но капитан сказал, что этот вопрос согласован с начальником нашего училища. И вот мы, пятеро курсантов плюс наш лейтенант, отправились к месту проживания дезертира. С нами шел милиционер, который пришел к нам в часть, чтобы впоследствии сопроводить к месту происшествия. По пути милиционер нам рассказал, какая ситуация сложилась.

Им сообщили, что из войсковой части, расположенной в Западной Украине, сбежал солдат с пистолетом. Этот солдат отслужил положенные три года службы и должен был быть демобилизован, но он совершил какое-то уголовное преступление. Его пытались задержать, но он сбежал. Его родители, вернее, одна мать, живет в Алапаевске в своем доме. Когда милиция пришла, чтобы арестовать этого дезертира (милиционер назвал его имя и фамилию, я запомнил только имя – его звали Иван), он укрылся в доме и стал отстреливаться, при этом ранил одного милиционера. Сейчас он сидит в доме. Вокруг наряд милиции, но они боятся даже высунуться из своих укрытий, а начальник милиции сказал: «Попросим военных. Это их кадр, пусть они с ним и справляются».

Мы подошли к дому, где укрылся дезертир. Домик был небольшой: крыльцо на входе, дверь, рядом окно. Окон было всего четыре на трех стенах. На одной стенке два окна и на двух стенках, в том числе стене, где дверь – по одному, а одна стена была глухая, без окон. Имелись ставни, но они были раскрыты. Как только мы пришли, все милиционеры, кроме одного, ушли, пошутивши: «Наша смена окончилась, теперь воюйте вы». Что делать, мы толком не знали, наш лейтенант тоже.

Через окна пролезть в домик было невозможно – окна маленькие и не открывались. На них были только форточки. Дезертир отказывался выходить, и тогда наш лейтенант крикнул: «Иван! Выходи, сдавайся, здесь солдаты». Этот Иван в ответ выстрелил в закрытую дверь. Он дал понять, что, если солдаты будут входить через дверь (а входить можно было только по одному), он всех нас перестреляет.

Тогда я вспомнил, что видел в 1948 году, как бойцы истребительного батальона вместе с пограничниками брали двух бандитов, засевших в похожем на этот домике. Еще я вспомнил, как военрук в техникуме преподавал нам тактику в рамках действия взвода. Там была тема «Взвод в уличном бою». Военрук любил эту тему – во время уличных боев в Сталинграде он штурмом брал вместе со своим взводом такой же домик, в котором засели немцы. Он рассказывал, как он открыл дверь в домик, а оттуда раздалась автоматная очередь, и у него была разбита пулями вся левая рука. Он нам показывал свою изуродованную руку. Он ещё говорил – хорошо, что он не сунулся туда, а только открывал дверь, а то бы был убит.

Я подумал, что лучше применить тактику бойцов истребительного батальона, и сказала лейтенанту: «Давайте попробую я». И крикнул: «Иван, я до армии прослужил год в истребительном батальоне в Западной Украине и знаю, как брать бандитов в хате. Мы расстреляем окна и забросаем твой дом гранатами, а потом подожжём. Ты служил в Западной Украине и, возможно, видел такие операции, поэтому выходи, сдавайся. Вначале выбрось пистолет – стрелять по тебе мы не будем».

Я расставил курсантов напротив всех окон и сказал: «По моей команде три раза стреляйте по окнам». Курсанты заняли позиции, я опять крикнул Ивану: «Бросай пистолет и выходи сдаваться!». В ответ снова раздался пистолетный выстрел в закрытую дверь. Конечно, этот выстрел никакого вреда никому не принес, но было ясно, что дезертир сдаваться не хочет. Тогда я крикнул курсантам: «Огонь!». Они выстрелили трижды, каждый по своему окну. Окна вдребезги. Я снова крикнул: «Как, Иван, теперь? Кидать гранаты или ты выходишь? Через две минуты будем кидать гранаты во все окна». Через минуту в разбитое окно рядом с дверью был выброшен пистолет, тотчас же открылась дверь, и вышел с поднятыми руками дезертир.

Лейтенант подобрал пистолет, мы связали дезертиру руки за спиной и повели его в свою часть. По дороге я сказал дезертиру, что гранат у нас не было, но дом поджечь мы могли и подожгли бы. Потом меня спросил лейтенант: «А ты правда служил в истребительном батальоне?». Я ответил: «Конечно, нет, но я видел аналогичный эпизод, и в техникуме такому бою меня учил военрук».

Привели мы дезертира в свою часть, сдали дежурному по части, вышеупомянутому капитану. Они поместили пойманного дезертира в помещении своей гауптвахты. Он пробыл там неделю, после чего командир войсковой части передал его в милицию Алапаевска. Между прочим, через три или четыре дня он от них сбежал.

Через какое-то время опять пришлось ловить очередного дезертира, но это было совершенно другое дело. Мы подошли к дому, где жил этот дезертир, нам навстречу вышла его мама вместе с ним. Оба плакали. Оказалось, что это новобранец, прибывший в свою войсковую часть, к нему там плохо отнеслись, и он уехал домой. Опять мы привели его к себе в войсковую часть. Он просидел в нашей гауптвахте дня три-четыре и опять его забрала милиция. Нам было его даже жалко. Мы фактически все были новобранцы, служили только первый год и знали, что может происходить с новобранцами в некоторых войсковых частях. Мы сочувствовали этому так называемому дезертиру.

В конце октября мы сдали выпускные экзамены, получили какие-то удостоверения и разъехались по своим прежним войсковым частям.

Конечно, никто из нас не стал офицером.

Глава 25 – Закурдаев

В начале ноября 1955 года командир батальона направил меня на службу в отдельную роту этого же батальона в город Уржум, войсковая часть 21491.

Уржум считался у солдат очень хорошим местом для воинской службы. Это небольшой город, там имелись клуб и кинотеатр. Достаточно свободный режим службы.

Я еду в Уржум из Кирова – туда можно было проехать только автодорогой. Мне сказали в батальоне, что в Уржуме меня встретят, но надо прийти в местный клуб. Поскольку это 6 ноября, началось празднование годовщины Октябрьской революции, и солдаты будут там. Найти этот клуб будет чрезвычайно просто – он недалеко от автостанции.

Я приехал в Уржум часов в 8 вечера, было уже темно. Город встретил меня небольшим снегопадом, небольшим морозцем и уже небольшим снежным покровом. Я очень быстро нашел клуб, спросил, где находятся солдаты. Мне кто-то сказал: «Да они наверху, на втором этаже». Я пошел на второй этаж, меня там встретили солдаты. Они сказали, что ждали меня, рады дополнительному солдату для службы на их радиотехническом посту, но сказали: «Мы здесь будем до 12 часов, и поэтому тебе придется нас подождать – мы не пойдем в войсковую часть сейчас. Мы достаточно редко ходим в город, сейчас отдыхаем, танцуем с девочками, кто-то пошел с какой-то женщиной куда-то».

Я спросил:

– А далеко ли до казарм?

Они отвечают:

– 4 километра от города. Одному в такую погоду лучше не идти, подожди нас.

Я устал от поездки, и сидеть ждать в клубе мне не хотелось. Я попросил солдат подробно объяснить мне, как дойти до места их расположения.

Они мне объяснили, что надо выйти на такую-то улицу – это здесь же, рядом – пройти мимо кладбища, оно останется с правой стороны, и идти дальше по автодороге. Она ещё не занесена полностью снегом. Как только поднимусь на небольшое плоскогорье, сразу с левой стороны будет дома – это и есть войсковая часть.

Я был достаточно тепло одет и обут, и я пошел. Прошел указанной мне улицей, дальше обнаружил, что прохожу мимо кладбища, которое действительно располагалось у меня справа, и пошел по автодороге.

Ещё не поднявшись наверх, я вдруг потерял дорогу. Я пошел почему-то левее дороги, по полю. Достаточно твердая почва, невспаханная. Я думаю: «Черт с ним, сказали мне – слева строения войсковой части, я и выйду на них напрямую». Иду, что-то темнеет слегка левее. Я думаю: «Ну всё, пришел». Подхожу поближе – скирда соломы.

Беру чуть правее, иду дальше. Опять что-то темнеет метров через 200. Подхожу – опять скирда. Я думаю: «Да что это такое? Так я ничего и не найду». Запаниковал. Прошел немного ещё и смотрю – опять что-то темнеет. Опять скирда? Поворачиваюсь и иду назад, спускаюсь и выхожу на автодорогу. Дошел до кладбища. Думаю: «Ничего, Уржум я не пропустил». Кладбище огорожено забором, имеется калитка. На кладбище горит какой-то огонечек. Я подумал: «Зайду, тут переночую, что я буду – ждать этих солдат? Раньше двенадцати они все равно не уйдут». Захожу на территорию кладбища, а сторожки-то нет. Она сгорела и, видимо, совсем недавно, буквально несколько часов тому назад, потому что какие-то угольки ещё светятся на пепелище. Получается, переночевать здесь не удастся, и я решил вернуться в клуб.

Вернулся в клуб, там меня спрашивают солдаты:

– Ну что?

– Да я проблуждал-проблуждал, дошел до каких-то скирд и вернулся назад.

– Да ты, можно сказать, дошел до наших зданий.

В 12 мы ушли, пришли, естественно, куда нужно. Зашли в казарму, я доложил дежурному, что я младший сержант Стальгоров, прибыл для прохождения службы. Мне указали свободную койку, на которой я устроился. Там же рядом тумбочка, на которую я положил свой вещмешок. Кровати двухъярусные, меня положили на второй ярус. Естественно, первый ярус был весь занят. Заснул.

Я проснулся в 7 часов утра. Встал, огляделся, где я нахожусь, увидел стоявшего рядом с моей кроватью сержанта, одетого полностью. Сержант говорит мне:

– Проснулся? Вставай! Я встречался с тобой вчера вечером, когда ты прибыл из Кирова и зашел в клуб, шли мы вместе с тобой потом сюда. Но я тебе не представился, хотя твою фамилию я знаю. Теперь я представляюсь тебе, моя фамилия – Закурдаев. Я сержант, начальник РЛС (это офицерская должность) и жду тебя уже целый месяц, чтобы демобилизоваться. Меня задержал командир батальона, так как замены мне подходящей не было. Теперь ты приехал, и я тебе представлю всю нашу войсковую часть.

Я отвечаю:

– Прежде всего мне надо познакомиться с туалетом, а потом со столовой, а дальше все что угодно можешь мне говорить и показывать.

Закурдаев:

– В этом домике, где мы с тобой сейчас, находятся спальня для солдат, РЛС П-3, уголок для дежурного по части и городской телефон. А туалет у нас типа «сортир» находится во дворе. Одевайся, я тебе его покажу.

Я оделся, обулся, и мы вышли во двор. Закурдаев показал мне, где находится этот сортир, и я отправился туда. Во дворе было темно, в сортире освещения не было. Я побоялся заходить туда и справил свою малую нужду возле сортира, поскольку подумал, что там может быть очень грязно. Я курил, и у меня в кармане были спички, но я все же не рискнул туда заходить. Сортир был рядом с торцом достаточно длинного здания. Я понял, что это какой-то амбар или хлев. Закурдаев сказал: «Пойдем с тобой встанем на въезд на нашу территорию – оттуда будет лучше всего мне показывать всё, что расположено на территории нашего городка».

Он меня провел, и мы встали на въезде в городок. Я огляделся вокруг. Закурдаев показал дорогу, по которой я с ним прошлым вечером пришел из Уржума. Дорога проходила мимо нашей площадки, примерно в трехстах метрах от нее. Закурдаев говорит: «Повернемся к ней спиной, и перед нами панорама всего нашего городка». Мы стали спиной к дороге – слева внизу виднелся Уржум. Закурдаев начал показывать мне различные объекты нашего городка и рассказывать, что они собой представляют.

Закурдаев:

– Слева от нас небольшое здание – это наша кухня и столовая. Видишь?

Я:

– Вижу.

– За этим зданием вход в погреб. Я тебе показываю сторону нашей прямоугольной площадки, которая параллельна дороге. С правой стороны длинное такое здание – это конюшня. Там же хранится сено и овес для нашей лошади, там же ее стойло. В этом же здании деревянный склад. Дрова у нас порублены и уложены в поленицы. Помещение не отапливается, электрический свет там имеется. К этому зданию пристроен навес, не на всю длину здания. Под этим навесом у нас ставятся двое саней и две телеги, там же стоит автомобиль. За этим зданием сортир, ты уже в нем был. Увы, света там нет. За сортиром пустая территория, метров 50, а потом ещё одна дорога, которая идет перпендикулярно той дороге, к которой мы стоим спиной. От нашей площадки до этой автодороги 50 метров. Если пойти по этой дороге, то с левой стороны наша площадка, с правой стороны картофельное поле. Оно сейчас занесено снегом, картофель выкопан. По этой дороге проходим до столбика, который ограничивает нашу терри-

торию, И тотчас же с правой стороны возникает территория аэродрома, примыкающая к картофельному полю. Ты видишь, на аэродроме стоит Ан-2?

Я отвечаю:

– Вижу. И вижу там какие-то здания и чулок метеостанции.

Закурдаев:

– Верно. Ты видишь, что площадка нашего городка прямоугольная? Вдоль этой дороги, которая проходит мимо нас и подходит к аэродрому, на нашей территории кроме сортира ничего нет. Сторона прямоугольника, которая направлена к Уржуму, не ограничена ничем. Практически сразу же за нашими зданиями начинается поле, на котором высеивают то ли рожь, то ли пшеницу. Это поле, по которому ты блуждал вчера вечером, видишь, уже заснежено. Оно доходит до города. С этой стороны на нашей площадке слева, как я тебе показывал, расположен погреб. Он находится на углу нашей площадки. От погреба вглубь нашей площадки по этой стороне расположено недостроенное здание казармы. Ты видишь это деревянное одноэтажное здание 6 на 18 метров? Сейчас оно пустует, потому что там нет печки, оно не остеклено, хотя в окнах рамы вставлены. По этой же линии ты видишь место для курения, а потом следующий дом – это единственное на сегодняшний день жилое помещение, там, конечно, очень тесно. Это небольшое здание 6 на 18 метров является и казармой, где расположены кровати для солдат, и также командным пунктом. Там установлен планшет с указанием нашей зоны радиолокационного обслуживания. В этом же здании установлена РЛС П-3 и располагается уголок дежурного по части, в котором установлен городской телефон. Если смотреть отсюда, рядом с правым углом здания стоит антенна. На площадке между торцевой стенкой этого здания и сбоку антенны – яма для мусора. С правой стороны этого здания, прямо напротив входа в него, на расстоянии 10 метров небольшое здание – так называемая агрегатная. В этом здании находятся три агрегата. Агрегат – это двигатель с генератором переменного тока, 2 агрегата с двигателем Л-6, один агрегат с двигателем Л-3. Электрическая мощность этих агрегатов соответственно 5 киловатт и 2,5 киловатта. Чуть подальше, рядом с агрегатной, установлена бензозаправка, т.е. в землю зарыта цистерна с бензином, а наверху, как положено, сама бензоколонка с пистолетом для заправки, как на обычной бензозаправке.

По тем временам наличие бензоколонки – это роскошь.

Закурдаев:

– Посередине нашей площадки стоит на колodках вагончик 6 на 12 метров. В нем оборудование слесарной мастерской, в том числе и небольшой сварочный аппарат. Вагончик утепленный, и даже имеются два электрических обогревателя. Этот вагончик называется КРОС, что обозначает эта аббревиатура, я не знаю. Поближе к нашей конюшне спортплощадка, там имеются только один турник и два столбика для волейбольной сетки, т.е. площадка для игры в волейбол. Летом мы там играем в волейбол и занимаемся на турнике, кто хочет. Прямо за нашей спиной в двухстах метрах за дорогой, т.е. от нашей площадки в пятистах метрах, стоит наша радиостанция РАФ КВ-5. Посмотри – к ней по столбам идет десяток проводов для связи, они проходят над дорогой.

Он продолжил: «Я единственный сержант срочной службы, из офицеров у нас один старший лейтенант Заикин, он наш командир. А радистами командует сержант Сергеев, он сверхсрочник. Оба они женаты и живут в городе. Сергеев – уроженец города Уржум, а Заикин откуда-то приехал. Среди солдат я самый старший и по званию, и по должности. Я на офицерской должности начальника РЛС, но исполняю также обязанности старшины роты. Я отслужил три года, должен был демобилизоваться, но ждал себе смену, т.е. тебя, я тебе передаю все это. Теперь пройдем по всем помещениям, начнем с кухни».

Мы пошли в здание кухни. Это был небольшой домик примерно 6 на 9 метров, почему-то он был высотой ниже других зданий, кроме агрегатной. Там уже был повар. Закурдаев представил нас друг другу. Повар был одного со мной года призыва, т.е. призывался осенью

1954 года, так же из Челябинска. Но я его совершенно не помнил, а он меня помнил. Все солдаты моего призыва окончили техникум, повар окончил кулинарный техникум, и его немедленно направили поваром в Уржум. Таким образом, повар в Уржуме с конца 1954 года. Столовая представляла собой один стол человек на 12, рядом длинные самодельные скамейки. Сама столовая отделялась от кухни метровой высоты барьером с калиткой, за этим барьером находилась достаточно большая печь-плита. На этой плите стояла большая кастрюля для чая и кастрюля, в которой на настоящий момент варилась овсяная каша, на сковородке что-то поджаривалось. Повар показал мне кладовку, где хранились продукты: макароны, крупы, сахар, соль. Повар сказал: «Картошка и овощи хранятся в погребе, там же в леднике хранятся мясо и мороженая рыба. Соленая селедка в бочке, просто в погребе».

В здании кухни за перегородкой находился умывальник и бак с чистой питьевой водой. Бак был приподнят на подставках примерно полметра. Внизу в баке находился кран, откуда бралась вода на кухню и в умывальники.

Повар продолжал: «Картошку мы заготавливаем осенью, мясо раз в неделю привозим из городской скотобойни, соленые овощи в бочках привозим поздней осенью с овощной базы, свежие овощи привозим оттуда же, если они там есть. Овощи – это квашеная капуста (бывает и свежая), соленые огурцы и помидоры. Помидоры и огурцы только соленые, в бочках. Из свежих овощей, помимо капусты, только морковь и свекла. Свежий хлеб наш повозочный ежедневно рано утром привозит с городского хлебозавода. Он же ежедневно привозит и свежую воду, которую он набирает в соседней деревне из колодца. За водой и в город с ним ездит также как помощник наш шофер. Он на своем автомобиле ездит мало, как правило, только в Киров».

Закурдаев:

– Автомобиль у нас ГАЗ-63 – неплохой, хотя резина у него никудышная. Я тебе покажу все то, что имеется на сегодняшний день, с весны 1952 года тут начиналось все с нуля. Я призывался в октябре 1952 года. 15 декабря 1951 года Совет министров СССР постановил на базе войск ВНОС создать радиотехнические войска. Конечно, был приказ министра обороны, какие войсковые части включить в состав РТВ и дать им новое наименование. В 1952 году и проходило формирование радиотехнических войск, и меня призвали уже в радиотехнические войска. Я попал в бывший батальон ВНОС, теперь у него было новое название и новое назначение – наш батальон уже назывался «36-й отдельный радиотехнический батальон». До призыва я окончил Рязанский техникум связи и только начал работать в одной из деревень Касимовского района в отделении связи, которое осуществляло трансляцию радиопередач по деревенской проводной радиосети. В этом отделении связи находились телефонная станция и радиоузел, моя должность называлась «надсмотрщик радиоузла». Проработал я два месяца, и меня призвали в Армию, привезли в город Киров, в наш батальон. После окончания «курса молодого бойца» меня послали в Свердловск учиться по специальности «оператор РЛС, обнаружения и наведения». В марте 1953 года я прибыл в Уржум, мы сюда приехали вместе с Заикиным. Он тогда был лейтенантом, старшего лейтенанта ему присвоили в начале 1955 года. Всего нас было вместе с Заикиным 20 человек, мы помогали строить эту радиотехническую точку. Уржумская точка строилась уже как составная часть радиотехнического батальона, по старой привычке ей полагалось исполнять обязанности бывшей службы ВНОС. Вот посмотри – на одном из наших домиков, где находится теперь казарма, стоит РЛС П-3. На крыше этого здания будка для наблюдателей за воздушным пространством, а над будкой на четырехметровом шесте – флаг Советского Союза.

Я ответил:

– Вижу и будку, и флаг.

Закурдаев продолжил:

– Из будки в казарму проходит переговорная трубка. У нас даже теперь по штату должны быть воздушные наблюдатели, но для такого наблюдения у нас не хватает солдат, и в этой

будке нет никого. Между прочим, на наших погонах эмблема войск связи, а мы ведь теперь не войска связи, а радиотехнические войска. Здесь стройбат строил вот эти здания, которые ты видишь. Никаких механизмов у них не было, все работы велись вручную. У нас достаточно большой погреб, а он выкапывался солдатами стройбата вручную. При этом их командир, старший лейтенант, шутил: «Два солдата из стройбата заменяют экскаватор». Из Уржума вдоль дороги, по которой мы пришли в часть, стоят деревянные столбы, по которым проведена высоковольтная радиолиния, она идет из Уржума в деревню. При въезде с этой дороги к нам стоит столб. На этом столбе мы установили понижающий трансформатор, через который проведены провода радио к нам в казарму. Электричество также подается к нам двумя проводами, которые смонтированы на этих же столбах. У нас нет электрической подстанции, и от Уржумской электросети к нам по этим проводам подается напряжение 220 вольт. Электрические потери в этих проводах достаточно большие, и электричество, которое подает нам Уржумская электросеть, используется нами только для освещения. К нам не доходят 220 вольт, приходит около 200, а нашей РЛС нужно не менее 220 вольт, поэтому она работает от напряжения, которое дают наши агрегаты. У нас на стенке рядом с РЛС висит телефон городской телефонной сети Уржума. Чтобы вызвать Уржумский коммутатор, надо крутить ручку телефона. Считаю, что я тебе передал все, что мог. В казарме я соберу всех солдат, ты познакомишься с ними, а они с тобой. Сегодня должен прийти сюда Заикин, Сергеева ты видел, он сегодня дежурный по части. Сергеев командует всеми радистами, он отличный радиоспециалист. Более того, он зарегистрирован в СССР как радист-коротковолновик. У него дома своя небольшая радиостанция, он общается с такими же радистами всего мира. Очень грамотный – учишься у него радиотехнике. Я многому у него научился. Сегодня вечером мы пойдем в город. Там праздник проходит в доме культуры, ты вчера был там. Сегодня мы зайдем к моей девушке Ане, я передам ее тебе. Послезавтра мы с тобой сходим на свадьбу моего земляка, с которым мы служили в Уржуме почти три года. Он демобилизовался, нашел себе здесь девушку, женился и остается жить здесь, а я уеду отсюда сразу же после праздников. Я тебе покажу РЛС П-3, ты видел такую в училище или ещё где-либо?

Я говорю:

– Видел в Игошино, а в училище у нас была РЛС сантиметрового диапазона П-20 – отличная станция с экраном кругового обзора.

Закурдаев:

– У нас такой роскоши нет, а пользоваться этой РЛС ты умеешь?

– Конечно.

– Я на этой РЛС проработал достаточно много. Квалификация у меня в этой части высокая – у меня первый класс. Все это записано в моей солдатской книжке. У тебя есть солдатская книжка?

– Конечно, мне ее выдали в батальоне, ещё до моего отъезда в училище. Там записаны вся моя служба до Уржума, результаты училища и присвоение мне звания младший сержант. Записано, что моя военная специальность «оператор РЛС, обнаружения и наведения». Пока что классности у меня нет.

Вечером 7 ноября Закурдаев повел меня в город, я познакомился там с его женщиной. Это молодая 20-летняя девушка Аня, она снимала отдельный домик. В нем не разделялись комната и кухня, была русская печь, стол, несколько стульев, кровать.

Аня работала на городском хлебозаводе. Работала она посменно, так как хлебозавод работал круглосуточно. У Ани останавливались на ночевку девушки из ее бригады. В этой бригаде было 5 человек, и Аня была старшей. Не все и не всегда эти девушки ночевали у нее. Родители Ани и она сама жили в деревне, в километрах 7 от города Уржум.

Закурдаев сказал Ане, что он уезжает домой – демобилизовывается. Взамен себя он оставляет меня. Он спросил Аню: «Ты не против?». Она сказала: «Нет, я не против». Я также был не против.

В общем-то, этот домик, который снимала Аня, был фактически домом свиданий девушек из ее бригады с солдатами. Солдат было мало, практически все приходили в различное время к этим девушкам. Можно сказать, что это был бордель, но девушки, встречаясь с солдатами, денег с них брали. Более того, если среди солдат находились те, которые во время свидания хотели выпить, то девушки покупали бутылку водки и выпивали вместе с солдатами. «Гражданских» мужчин они не принимали.

Надо сказать, что среди наших солдат пьяниц не было – не знаю почему, но практически никто спиртного не употреблял.

8 ноября 1955 года мы с Закурдаевым сходили на свадьбу в город Уржум – женился его касимовский земляк и армейский сослуживец. 9 ноября Закурдаев из Уржума уехал в Киров, там демобилизовался и уехал домой.

После отъезда Закурдаева я приходил на свидания к Анне. Она была моей первой женщиной, с которой я занимался сексом, несмотря на то что мне было к тому времени 22 года. Она была невысокая, слегка полноватая девушка. Следует сказать, что к ней приходил не один я.

Девушки, которые периодически ночевали у Ани, жили в соседних деревнях, и иногда, провожая домой в деревню одну из них, которую звали Рая (а идти нужно было практически мимо нашей войсковой части), я занимался сексом и с Раяй.

Глава 26 – Галиев

Я был единственным сержантом среди солдат срочной службы, и мне пришлось волея-неволей руководить, командовать всеми солдатами.

Была зима 1955—1956 года, солдат было мало, мы обеспечивали только круглосуточное дежурство РЛС и радиостанции, никаких других занятий не было. Наша территория была засыпана снегом, и мы расчистили дорожки на кухню, в агрегатную, в конюшню и путь к автодороге.

В начале января мы начали заготавливать лед на реке Уржумка и на санях возили к себе его в ледник.

Зимой даже в город почти никто не ходил. Ходили, правда, еженедельно в баню и в кино-театр смотреть кино – это было обязательно. Билеты для нас были самые дешевые, и все мы садились на первый ряд перед экраном – это самые дешевые места. Почему-то солдаты-новобранцы стеснялись сидеть на первом ряду, и, если зал был полупустой после начала киносеанса, все стремились пересесть на другие ряды.

Во время отдыха в казарме мы играли на бильярде – у нас был небольшой бильярдный стол – и слушали радио. С удовольствием слушали песни, мне вспоминаются особенно песни, которые исполнял Уральский народный хор под руководством Родыгина.

Отопление казармы и кухни было печным, печи топилась дровами. В конце зимы с печью в казарме произошло ЧП. Утром нужно было растопить печь. Печь была заправлена дровами, но дрова никак не загорались. Тогда кто-то предложил солдату Галиеву принести из агрегатной кружку керосина, залить этот керосин в топку печи и поджечь, и дрова разгорятся.

Галиев, небольшого роста солдатик, по национальности татарин из какой-то деревни Татарстана. Над ним постоянно подшучивали: то посылали на крышу разгонять шваброй помехи радиолокационной станции, то смеялись над его рассказом о том, как он дома в своей деревне боролся с блохами, которых у них в избе было полно.

В общем-то, это был добросовестный, исполнительный солдат, простодушный, не злобливый и даже с юмором. Он подшучивал над собой и над другими солдатами, злых шутников и издевательских шуток у нас не было.

Галиев вместо керосина принес из агрегатной кружку бензина и вылил в топку печи. Поскольку там все же были какие-то огарки и достаточно высокая температура, бензин мгновенно испарился. Пары бензина заполнили все внутреннее пространство печи и дымохода, и, когда Галиев поднес к топке горящую спичку, раздался взрыв – пары бензина взорвались.

Я сидел возле РЛС, следил на экране за возможными воздушными целями, услышав глухой взрыв за своей спиной. Я вскочил, шагнул через дверной проем и увидел, что печь дымит буквально из тысячи щелей, образовавшихся после взрыва в ней. Получилось, что печь развалилась на отдельные кирпичики, увеличилась в объеме, но не рассыпалась по полу.

Я спросил: «Что произошло?». Мне объяснили, я послал Галиева посмотреть, что произошло на чердаке. Он вернулся и сказал: «Боров трехметровой длины развалился полностью, а труба, выходящая на крышу, осталась целой». Встал вопрос: что делать? На дворе зима, мороз около минус 20-ти градусов, все смотрят на Галиева. Тогда он говорит: «До призыва в Армию я работал помощником у печника, я умею складывать такие печки, как наша. Я выложу новую печь за сутки, если мне дадите двух помощников. Нужно накопать глины, песок не будет нужен, потому что нашу глину я видел. Она тощая – это значит, что в ней много песка, это хорошо. Необходимо будет добавить немного конского навоза, этого у нас полно».

Я выделил двух солдат для помощи Галиеву, они разобрали печь, замесили глину с конским навозом. Галиев опять же с помощью двух солдат закончил кладку печи поздно вечером, позже он восстановил боров. Положили в печку немного дров и разожгли. К величайшей моей

радости, и не только к моей – обрадовались все, печь загудела, дым пошел столбом из печной трубы. Печь в помещении не дымила нисколько – Галиев справился со своей задачей.

Я ещё сказал: «Теперь мы живем, Галиев сможет выложить весной печь в соседнем здании, после чего мы летом и перейдём жить, поскольку в этом помещении нам тесно». Через день Галиев с двумя солдатами оштукатурили сложенную ими печь и побелили ее.

Получилось так, что наш командир старший лейтенант Заикин о взрыве в печи узнал только на следующий день, так как во время взрыва его в нашей казарме не было. А начальник радиослужбы сверхсрочник сержант Сергеев был и после взрыва запаниковал. Он боялся, что его привлекут к ответственности за этот взрыв, потому что он был дежурным по подразделению, но все обошлось.

Ещё в марте я начал задумываться о том, что необходимо привести в порядок нашу площадку. Я решил, что необходимо сделать ограду из деревьев, то есть по периметру нашей площадки высадить саженцы. Посоветовался с Заикиным. Он сказал, что надо приводить в порядок площадку, обживать ее, достраивать казарму – в общем, благоустраивать свое жилье. Я рассчитал, сколько нам необходимо саженцев для высадки по периметру. Для начала я сам с двумя солдатами поехал на опушку леса, мы выкопали около полусотни саженцев деревьев и привезли их к себе. Саженцы я брал только лиственных пород деревьев.

Затем я разметил места, где должны быть выкопаны ямки, и поручил нескольким солдатам выкопать эти ямки и положить туда немного конского навоза, перемешав его с выкопанной землёй. После этого мы высадили саженцы. Солдаты, работающие со мной вместе, делали это с удовольствием, никто не ворчал. Повозочный привез воды – полили саженцы, и я пояснил всем остальным солдатам, что так будем продолжать по всему периметру. Саженцы высаживали через 6 метров – очень легко и просто. Ямки копали строго по прямой линии, предварительно натянув провод между угловыми столбиками.

И так за неделю по всему периметру нашей площадки были высажены саженцы лиственных деревьев, весной же сделали несколько клумб, где высадили цветы.

В начале апреля, посоветовавшись с Заикиным, я решил перенести на другое место сортир. Подумав, я решил, что имеющийся сортир нужно улучшить, сделав ему вентиляцию и подведя электричество для освещения. Почти рядом со старым сортиром выкопали новую яму, слегка увеличенную, чтобы была возможность ее опорожнять. Перенесли будку на новую яму, старую яму засыпали землей, к будке пристроили вентиляционную трубу, закрыли деревянным щитом открытое пространство ямы. Из здания конюшни провели электропроводку в будку сортира. Сделали освещение – повесили один патрон с лампочкой и смонтировали выключатель. Новый сортир всем солдатам понравился главным образом из-за вентиляции, да и освещение было вовсе не лишним.

С началом июля мы приступили к отделочным работам в недостроенной казарме. Я решил ее оштукатурить изнутри, для этого необходимо было изготовить дранку и оббить ею внутренние стенки деревянного сруба. Наш начальник договорился с лесничим, что тот поможет нам спилить необходимое дерево, которое я выберу. Мы поехали на автомашине в лес, лесничий взял с собой свою собственную бензопилу, а у нас были топоры для обрубки сучьев.

В лесу вместе с лесничим я выбрал дерево. Лесничий его спилил и разделал на метровые колоды, мы погрузили эти колоды в автомобиль и увезли к себе в часть. Заикин расплатился с лесничим спиртом и соленой рыбой – мы дали ему 3–4 килограмма горбуши и литр спирта. Мы были благодарны друг другу, потому что он нам здорово помог со своей бензопилой – фактически в лесу мы ничего не делали. Затем я показал солдатам, как нужно из этих колод делать дранку. Для этого в начале колоды раскалывались на куски, после чего плоским штыком от этих кусков отдирали полоски дранки. Работа была не очень тяжелой, и она также нравилась солдатам. Готовую дранку набили на внутреннюю стенку казармы, тот же Галиев с двумя солдатами приготавливали раствор для штукатурки.

Я объяснил солдатам технологию штукатурки стенки. Сам я штукатурить не мог – у меня получалось очень плохо. Но нашлось несколько солдат, у которых штукатурка стенок получалась замечательно. За июль месяц мы оштукатурили стенки казармы, побелили и даже охрой покрасили панели, законопатили оконные рамы, прибили наличники, остеклили.

Заикин купил стекла, но оказалось, что никто не умеет резать стекло. Я самоуверенно взялся за эту работу, предварительно купив в городе стеклорез. Я испортил много стекла, поскольку резать не умел. Тем не менее, я нарезал на все рамы стекла, и мы застеклили окна. Опять тот же Галиев сложил с двумя солдатами печь, и в августе мы переселились в отделанную нами казарму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.